

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY

СИБИРСКИЙ ФОРУМ

2012 | сентябрь
интеллектуальный
диалог

ПОНАСТРОИЛИ: И БУДЕМ ЗДЕСЬ ЖИТЬ

взгляд архитекторов ● стр. 2-16

МАЛЫЕ ЭТАЖИ

Владимир Афанасьев: ● стр. 3

«Развитие малоэтажного строительства определяется уровнем достатка населения, тем, сколько денег человек может позволить себе потратить на жилье, наличием среднего класса, который может взять ипотеку. Этаж над этим — экономика России, над ним — мировая экономика, цены на нефть на мировом рынке. Чем благоприятней будет экономическая ситуация в стране, тем больше людей смогут купить себе дом».

ПОРТРЕТ В ИНТЕРЬЕРЕ ГОРОДА

Арэг Демирханов: ● стр. 6

«Архитектура отличается от всех видов искусств тем, что она достаточно синтетична. Помните триаду Витрувия? Прочность, польза, красота. Красота — самое сложное. Это может родиться ночью и вообще неизвестно когда. Воплощается она не всегда в угоду пользе. Такова реальность».

ОЗЕЛЕНИТЕЛИ ТАЙГИ

Ольга Смирнова: ● стр. 7

«Пока в наш сибирский менталитет вообще нелегко привнести любовь к диким растениям. Наши люди их стесняются. Им, как детям, нравятся большие, яркие, пышные цветы. И это отчасти понятно: долгая графичная зима порождает цветовой голод, и коротким летом людям хочется ярких красок, пышности, необычности».

ПРОШЛИСЬ ПО АБРИКОСОВОЙ

Сергей Геращенко: ● стр. 11

«Сегодня город наползает на Николаевку со всех сторон, скоро район просто исчезнет. Обидно, что и возводят там всё ту же 97-ю серию. Не так давно у нас в гостях был американский коллега, который буквально умолял: сохраните Николаевку, не давайте там ничего строить, это достояние вашего города!».

«В России существует катастрофический информационный вакуум. Массовое сознание остаётся на допотопном уровне в представлениях о качестве среды, в которой мы могли бы жить. И радуются люди нашей псевдосовременной, башенно-фронтонной, безнадёжно устаревшей по технологии архитектуре... Увы, большинство россиян редко попадают в европейские страны. А если и доедут, то турфирмы так напотчуют их заморской историей с монументами, что потом уж точно не до технологий! А жаль! Оторваться бы от этих «диетических» коммерсантов с их ветхим предложением «увидеть прошлые века» — и шагнуть в мир современной международной реальности».

Валерий Нефедов — о наших и не наших городах и создании гуманной среды для человека

● стр. 8-9

Город — это дом, где мы живём, или система жизнеобеспечения? Свой дом естественно любить, а если что-то в нём нас неприятно цепляет — то в нашей же власти это исправить. Любить систему как-то глупо — она лишь создаёт условия, которые либо помогают твоему существованию, либо его кошмарят, и тогда система — бесит. Конечно, наши отношения с городом не охватишь какой-то одной метафорой, но всё-таки правильнее жить, любя и любуясь, а не терпеть, сцелив зубы, то, что окружает тебя каждый день.

Сентябрь в Красноярске среди прочего отметился довольно редким событием — международным смотром-конкурсом лучших студенческих дипломных проектов по архитектуре и дизайну. За более чем 30-летнюю историю конкурса впервые местом его проведения выбран наш город. Это большая честь для принимающей стороны и, конечно, говорит о том, что уровень подготовки архитекторов в Красноярске значительно вырос. Разумеется, сыграл роль и интерес к Сибирскому федеральному университету, «начинка» которого интригует вузовскую и профессиональную общественность всей страны.

Мы же решили использовать конкурс как повод поговорить о тех процессах в архитектуре и развитии города, которые воочию может наблюдать каждый горожанин, но которые далеко не всегда доступны его пониманию. Хорошая архитектурная школа? — какие же новостройки войдут в учебники по архитектуре? Современные подходы в организации городской среды? — и они соответствуют современной мировой практике? Лучшие проекты молодёжи? — какой процент из них будет воплощён?

То, насколько оптимально или вовсе не оптимально со всем этим обстоят дела, зависит, конечно, не от одних архитекторов. К сожалению, нам не удалось получить комментарий по поводу сегодняшнего и перспективного развития города от департамента градостроительства — сейчас он переживает период реорганизации. Но может это и к лучшему: никто не установит заранее рамок нашим коллективным ожиданиям (ведь если на что-то денег в бюджете нет, вроде как об этом и рассуждать не стоит). Мы хотим любоваться своим городом, а не недоумевать, видя, как «непонятно» он меняется. Хотим чувствовать себя в нём комфортно, а не неприкаянно. Хотим гордиться его своеобразием, а не проходить равнодушно по проспектам, где ничто не трогает душу.

Итак, поговорим об архитектуре, о тех, кто её определяет, и о городской среде — какой мы хотели бы её видеть.

Вдохновение на заданную тему

От новых поколений, приходящих в ту или иную творческую профессию, всегда ждут прорывных идей, неожиданных оригинальных решений. А первым пробным камнем того, на что способны начинающие специалисты, становится их дипломная работа. Спорить о том, что в ней является плодом фантазии самого автора, а что — идеями и предложениями руководителя, — наверное, можно долго. Давайте лучше посмотрим несколько работ нынешних выпускников и студентов Института архитектуры и дизайна Сибирского федерального университета и попытаемся оценить овладение «искусством формирования окружающей человека среды».

Реставрацию деревянной церкви в селе Ново-Александровка Уярского района в качестве темы своего диплома выпускница 2012 года Алиса ИВАНОВА выбрала не случайно. Начиная со 2-го курса, ежегодно с группами студентов и преподавателей она ездила по краю. Задачей этих экспедиций было исследование и описание памятников архитектуры. Во время одной из таких поездок Алиса и увидела заброшенную бревенчатую церковь постройки 1910 года. Всего на территории Красноярского края в разном состоянии сохранилось не более двух десятков деревянных церквей. В ходе обследования выяснилось, что более чем 100-летний «кругляк», из которого построена церковь в Ново-Александровке, находится в идеальном состоянии! Это тем более удивительно, что здание не только не законсервировано, но вообще много лет стоит без кровли. Всё это и подтолкнуло Алису Иванову к разработке проекта реставрации церкви.

— К сожалению, в архивах никаких материалов по «моей» церкви не оказалось. Удалось лишь выяснить, что она возведена по типовому проекту, достаточно распространённому в Сибири. В ходе анализа информации о всех сохранившихся в Красноярском крае деревянных храмах я обнаружила «сестру» новоалександровской церкви в селе Большой Балчуг Сухобузимского района. Там недавно отреставрированная церковь постройки 1912 года сохранила даже изначальную документацию! Анализ фасадов показал схожесть этих двух объектов в пропорциях при некотором различии фактических размеров. Чертежи церкви в Большом Балчуге очень помогли мне в работе над проектом реставрации церкви в Ново-Александровке.

Непосвящённому может показаться, что в реставрации объекта для архитектора почти нет работы. Но в нашем случае автору проекта пришлось не только лишь на основе сравнительного анализа заново составлять чертежи, но и учитывать современные реалии. Ведь реставрация церкви 1910 года не означает, что освещаться она будет исключительно свечами, а отапливаться дровами. Проект предусматривает расширение функциональной зоны церковного комплекса, в том числе здание воскресной школы, детскую игровую площадку, цветники, газоны, парковку.

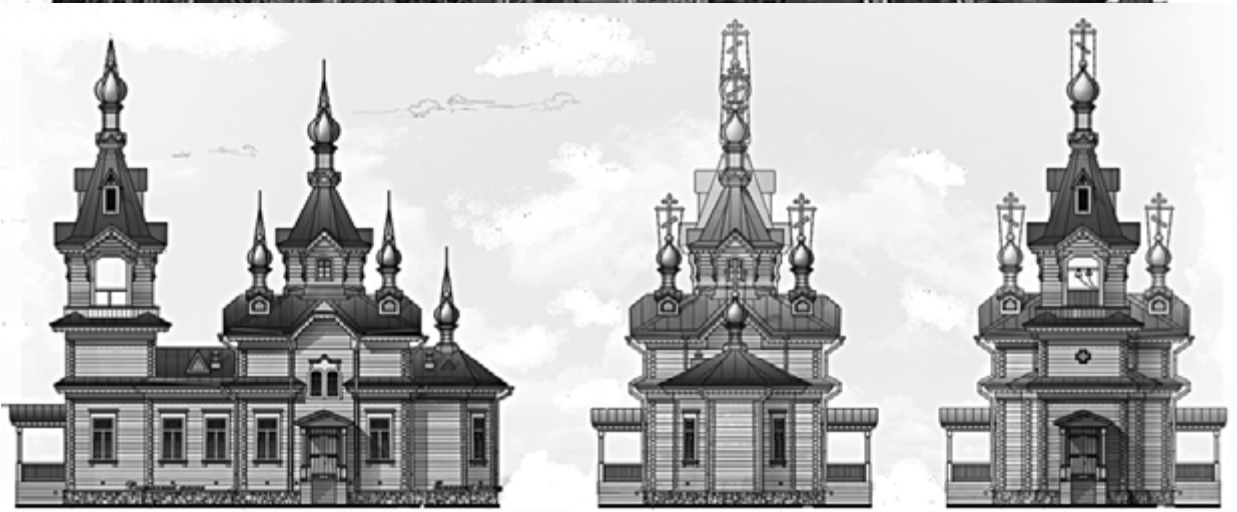
— Совсем недавно, в мае 2012 года, впервые за последние 80 лет в полуразрушенном здании церкви в Ново-Александровке состоялось богослужение, на которое пришло немало при-

хожан, — сообщила Алиса Иванова. — Мне хотелось бы, чтобы мой дипломный проект стал отправной точкой возрождения этого памятника архитектуры и православного храма.

«Храм» совершенно иного рода задумал дипломник 2012 года Владимир ГРИБАНЬ, храм истории науки — Политехнический музей. Если в описанном выше проекте Алисы Ивановой с местом и назначением объекта всё сразу было ясно, то здесь автор шёл, что называется, «от места» и места тоже нетипичного.

— Есть площадки «социально деградировавшие» или, как говорят архитекторы, «деградированные пространственно», — пояснил один из руководителей проекта Владимира Грибани, профессор кафедры архитектурного проектирования ИАиД СФУ Александр СЛАБУХА. — Такова площадка бывшего мелькомбината около железнодорожного моста через Енисей. С точки зрения транспортной инфраструктуры она находится на задворках города, хотя территориально, казалось бы, почти в самом центре... Но в связи со строительством нового автомобильного моста и грядущей застройкой Николаевки интерес к этой территории растёт. Что делать с бывшим мелькомбинатом? Этот комплекс зданий «держит» пространство своей ролью, своим местом, своей формой. Где найти инвестора для таких форм? Конечно, это не ночной клуб... Мы решили, что таким инвестором мог бы стать Сибирский федеральный университет. Поэтому и был придуман Политехнический музей, представляющий большую технику, вплоть чуть ли не до самолётов...

Владимир Грибань в своём дипломном проекте придумал новую функцию заинтересовавшему его объекту. Из ан-

нотации проекта (*рис. внизу*): «Реконструируемая территория делится на 3 блока: музейный комплекс, детский научный городок, общественная набережная. Реставрация экспонатов происходит за стеклянной перегородкой, тем самым позволяя посетителям наглядно видеть процесс работы персонала над будущими предметами экспозиций. Детский городок оборудован прогулочными аллеями, игровыми площадками, дорожками для велосипедов. Набережная имеет свободный доступ для пешеходов из приле-

гающих районов. Бионические формы проекта поддерживают природный ландшафт плавными чистыми элементами — на контрасте с существующими конструктивными зданиями элеватора. Большое количество атриумов и второго света позволяет разглядеть масштабные экспонаты с разных уровней и формирует пространство с обилием воздуха, исключая зажатость и камерность интерьеров. Большое количество габаритных экспонатов находится за пределами зданий, создавая интересный облик комплекса и

формируя пути пешеходного движения. Также на территории музея находится блок научных лабораторий, позволяющий учёным непосредственно участвовать в жизни комплекса, творить и работать в интересной обстановке, что привлечёт новые инвестиции в фонд музея. Важной частью комплекса является наличие автономной энергетической станции, снабжающей электроэнергией сам объект и близлежащие территории. Предусмотрены также покрытия из солнечных батарей, ветровые турбины и др.»

Ту же площадку мелькомбината в своём курсовом проекте разрабатывала Ирина ГОЛУБЕВА (ныне студентка 6 курса). Похоже, монструозный памятник промышленного конструктивизма 30-х годов прошлого века обладает какой-то притягательной силой! А может быть это влияние одного из самых авторитетных преподавателей ИАиД СФУ заслуженного архитектора Российской Федерации Эдуарда ПАНОВА? Говорят, он всегда ставит перед студентами вопрос: «Зачем сносить огромные заводские корпуса? Может быть, как раз для их обширного пространства, их физической структуры можно придумать какие-то новые функции? Проще всё полностью снести и построить новое, сложнее и интереснее дать объекту новую жизнь. И вообще, чем больше ограничений стоит перед проектировщиком, тем интереснее получается решение. Оно неповторимое, такого не может быть на свободной территории». Кстати, именно по такому пути — сохранения бывших строений с изменением их функций, вплоть до переоборудования их под жильё, идут в Европе.

(Окончание на стр. 15)

Возвращение домой

Звёзды, которые висят над собственным домом, — совсем не такие, как над многоэтажной свечкой. Они тоже немножко собственные. Все мы когда-то жили в маленьких домах на земле и, как бы ни складывался наш роман с городом, помним о личных звёздах и через сотни лет. И кто-то уже решил, что пора возвращаться домой.

С Владимиром АФАНАСЬЕВЫМ, заместителем директора Инженерно-строительного института СФУ, мы поговорили о том, как в Красноярске люди реализуют свою мечту о собственном доме. Пока речь идёт именно о мечте: слишком много препятствий встаёт на пути тех, кто решает покончить с городской жизнью. Но есть надежда, что загородные дома с каждым годом будут становиться всё ближе для тех, кто этого ждёт.

— Владимир Емельянович, загородные посёлки растут в окрестностях Красноярска прямо на глазах. С чем, по-вашему, связан бум на малоэтажное строительство, почему оно вдруг стало таким популярным?

— Я бы не сказал, что оно очень уж популярно. Тенденция во всём мире такова, что люди выбирают за город, хотят жить на земле, строить свой дом, передавать его потомкам... Это нормально. Но это лишь желания, «хотелки». Есть ли возможности? На этот вопрос ответить намного труднее.

Почему у нас, в Красноярске, так интенсивно рекламируют малоэтажные посёлки? Шамоны, другие буквально не сходят с экранов. Причина простая. Людям предлагают купить дома за городом, но это очень дорогая недвижимость. Вложившись и построив посёлки, достаточно трудно продать дома, потому застройщики и тратят большие деньги на рекламу.

Кроме того, компании, массово рекламируя загородные дома, пытаются завлечь новые категории клиентов. Очень немногие могут сегодня позволить себе жить за городом постоянно. До недавнего времени этот сегмент преимущественно состоял из людей, которые покупали себе загородный дом как второе жильё, имея квартиру в Красноярске. Но людей с такими средствами не так уж много, и в этом направлении рынок кончился. Идёт поиск новых покупателей. Причём встречное движение есть, посмотрите, многие пенсионеры живут в утеплённых дачных домиках, оставляя квартиры детям. В некоторых дачных посёлках даже магазины круглогодично работают.

— Выходит, что структура спроса начинает меняться. А меняются ли в последнее время технологии строительства загородного жилья?

— В окрестностях Красноярска сейчас возводятся десятки посёлков — и по самым разным технологиям. Я не вижу в этом ничего страшного, все они имеют право на жизнь. В крае представлен весь спектр строительных решений, от возведения домов из клеёного бруса, который выпускают на заводе КЛМ, до кирпичных и домов из USB-панелей. В основном происходит некий трансферт технологий — к сожалению, не всегда с должной адаптацией к сибирским условиям. Тот же КЛМ, который работает по канадскому образцу, выпускает 18-сантиметровый брус, очень качественный и красивый, но сибирских холодов он не выдерживает.

Мы поднимали вопрос по большепролётным клеёным конструкциям, предлагали создать кластер по производству стройматериалов из древесины. Но столкнулись с парадоксальной ситуацией: предприятию легче перетащить сюда технологию из-за океана, нежели здесь, на базе собственного сырья, разрабатывать и создавать что-то нужное и интересное. КЛМ необходимо увеличивать толщину бруса, но пока технологически они к этому не готовы.

— Люди хорошо разбираются в том, из какого материала должен быть построен их «дом на земле»?

— Не сказал бы. Компаниям-застройщикам посёлков приходится учитывать менталитет населения. Например, у нас бытует

мнение, что деревянные дома — это прошлый век, что они пожароопасны, и люди предпочитают покупать за городом кирпичные постройки: «не сгорит». Но я не припомню ни одного случая, чтобы в каменном доме продолжали жить после пожара. К тому же сегодня широко представлены технологии пропитки деревянных конструкций экологически чистыми материалами, которые делают дерево устойчивым к возгоранию.

— Что всё-таки больше всего мешает красноярцам строить свой дом?

— Главный фактор «против» — системный. Вот очень многие сейчас ссылаются на опыт Белгородской области. Там малоэтажное строительство идёт в массовом порядке. Все регионы с завистью смотрят в их сторону, плохо понимая, почему у них не получается так же.

Но объяснение простое. Руководству Белгородской области в своё время хватило политической воли и стратегического мышления, чтобы не продавать земли вокруг областного центра.

Там была принята программа: землю отвели под малоэтажное строительство, произвели межевание, ко всем посёлкам подвели дороги, электричество, водоснабжение и газ — которого в советское время, к большому сожалению, Косыгин лишил Сибирь. Белгородцам землю раздают бесплатно, с одним-единственным условием: в течение 3 лет построить дом. Если же по каким-то причинам построить дом не удалось, вопрос решают в индивидуальном порядке: землю либо забирают согласно условиям договора, либо требуют выкупить по коммерческой цене.

А где строят дома у нас? Да где договаряются и кто с кем договорится.

В радиусе 50 км от Красноярска земли, свободной для строительства, практически нет. В 90-е годы она стала объектом спекуляции, и у всех участков сегодня есть свои хозяева.

При продаже надела речь идёт о сотнях тысяч рублей за одну сотку. Это раз. Нет ни коммуникаций, ни дорог, транспортная доступность очень плохая. Это два. Огромная проблема — водоснабжение, поскольку в крае большинство источников подземной воды имеют превышения концентрации железа, марганца; требуются специальные системы очистки, особенно в Чулымском бассейне. Плюс электроэнергия. ЛЭП тянуть очень дорого, подключать — ещё дороже. Но это не только у нас в крае. Иногда доходит до смешного: коллеги из Новосибирска рассказывали, что за подключение к электроэнергии одного из новых посёлков энергетики заломили такую цену, что после подсчётов выяснилось: дешевле поставить свою мини-электростанцию, что в итоге и сделали, а через какое-то время её эксплуатация вышла на чистую прибыль.

Все эти затраты (земля, коммуникации) ложатся на стоимость дома.

— Но ведь и в Белгородской области поначалу потребовались гигантские вложения во всю эту инфраструктуру?

— Да. Но при комплексном подходе это решаемая пробле-

ма. Почему бы не подумать заранее о том, куда город может развиваться в плане малоэтажного строительства? Понятно, что перспективы застройки на правом берегу, по направлению к горам, сомнительны, в сторону Берёзовки — тоже, там плохая обстановка по розе ветров, все городские выбросы попадают туда. Строиться в сторону Песчанки тоже нельзя: наоборот, всех надо переселять оттуда. Остаётся не так много направлений, и самое благоприятное — на запад, в сторону Элиты. Если сосредоточить усилия краевого и городского бюджетов на одном этом районе — вывести земли из сельскохозяйственного оборота, провести межевание, расширить дорогу и разбить внутриквартальные проезды, построить подстанцию мощнее, водопровод провести — малоэтажка разовьётся у нас не хуже, чем в Белгородской области. Но, к сожалению, единого видения проблемы в крае нет.

— И понимания, что нужно что-то делать в этом направлении, тоже нет?

— Понимание есть. Более того, в краевом правительстве наметились подвижки в решении таких вопросов. По заданию губернатора сейчас создаётся региональная технологическая платформа по строительству, в том числе и малоэтажному, под названием «Строительство как инструмент формирования комфортной среды». Пытаемся понять, что строить, как, где, по каким технологиям. Инженерно-строительный институт СФУ выступил с инициативой создания на территории края кластера деревянного домостроения.

На первом этапе мы организовали экспертно-дискуссионный клуб (подключив проектные

зять индивидуальный за огромные деньги, а можно типовой, тысячи вариантов. Четвёртое — стройматериалы. Например, выбрать то, что производится в крае, а не кормить производство в Канаде.

Затем — экономия на эксплуатации. В малоэтажном домостроении приходится учитывать не только капитальные затраты на строительство — не меньшее значение имеют последующие эксплуатационные расходы. В Белоруссии, например, строят из керамзитобетона — при его производстве вместо гравия в бетон добавляют керамзит. Подходящие для него глины есть у нас в районе Козульки. Здание из керамзита получается лёгким и тёплым — это пористая структура. При толщине стены свыше полутора метров получается дом-термос, который до минус 5-10 градусов вообще не требует внутреннего обогрева. Да, этот материал стоит недёшево, но получается, что один раз вложил средства — и значительно сэкономишь потом.

Чтобы сократить расходы на отопление, можно также грамотно выстроить систему теплозащиты. Имеет значение даже то, как дом сориентирован по сторонам света. У нас в городе господствующие ветра — северо-западные, и если поставить дом так, что в этой стороне не будет окон, то удастся сэкономить до 20% энергии. Или взять вентиляцию: существуют современные бытовые системы отопления, которые позволяют запускать в помещение уличный воздух с предварительным теплообменом; экономия при этом составляет до 25%. Есть и различные энергосберегающие технологии, система «умный дом», ветряки, солнечные бата-

организации, Союз строителей и производителей), вырабатываем модель идеального для Сибири дома: из чего его нужно строить, на чём можно сэкономить, как организовать альтернативное водо-, тепло- и электроснабжение.

То, что мы сегодня предлагаем, — это каркасные деревянные дома. Есть запатентованные конструкции. Каркас изготавливается на заводе, устраивается очень простой сейсмостойкий фундамент, который легко укладывается на землю, подъезжает фура с блок-секцией, которая устанавливается одним движением с помощью подъёмного крана. В итоге получается модуль размерами 6 на 12 м. Таких модулей рядом можно установить сколько угодно, выстраивая стены из любых материалов, на какие денег хватит. В чём привлекательность этой идеи? Дом можно легко приспособить под свои потребности и изменить его конструкцию, например, по мере увеличения семьи.

— На сколько это удешевляет строительство?

— В два раза. Сейчас мы пытаемся сделать экспертный проект такого дома, проводим всесторонние исследования, и теплотехнические, и прочностные. Уже испытывали вдвое уменьшенную модель и получили достаточно неплохие результаты.

— Вообще построить дом дороже, чем купить квартиру?

— Есть множество вариантов. И колоссальный спектр материалов. На чём мы можем сэкономить при строительстве дома? Как уже сказано, на получении земли в крае пока никак не сэкономить. Далее — фундамент, тут есть более дешёвые варианты: из сейсмостойких плит. Третье — проект. Можно зака-

реи, тепловые насосы и другие, в том числе и экзотические способы. Да, всё это дорого, но эксплуатация дома потом копейчатая. А можно делать наоборот: построить жильё из дешёвых материалов и огромные средства тратить потом на отопление. Вообще разработок очень много, но применяются они пока слабо.

— А какой должна быть инфраструктура идеальных сибирских посёлков?

— Есть образцы, на которые можно ориентироваться. Возьмём любой американский миллионник. В нём есть деловой центр — «даунтаун», а вокруг — жилые районы огромной площади. Их пересекают хайвеи, которые сходятся в даунтауне. Каждый из жилых районов построен компактно, в нём много внутриквартальных проездов — достаточно выехать на хайвей, чтобы попасть куда угодно. Город находится в 15-минутной транспортной доступности для любого пригорода. Можно жить за городом и работать в центре.

У нас такое практически невозможно. Город задыхается в пробках, и я знаю, например, людей, которые, живя в Сосновоборске, встают в 4 утра, чтобы попасть на работу.

Необходимо подойти к этому вопросу комплексно. Сейчас у каждого краевого министерства — своя зона ответственности. Как воздух необходимо системный подход к градостроительной политике.

— Какой из возводимых под Красноярком посёлков кажется вам наиболее удачным?

— Я не берусь оценивать. По каким критериям удачный? Для кого-то это воздух, для других ландшафт, материал, комфортное расположение, безопас-

ность... Потом, ещё рано говорить, какой из посёлков лучше, какой хуже. Везде идёт строительство. Правда, уже очевидны некоторые ошибки: есть посёлки, которые стоят мёртвые, из десятков домов заселены три-четыре. Что-то, значит, играет против них: место, экологическая обстановка. Плюс, конечно, уже упомянутая доступность. В Элиту или Видное общественный транспорт ходит пару раз в сутки. Если пустить на Овинный автобус с интервалом движения в 15 минут, участки здесь сразу же взлетят в цене. Когда к губернатору Хлопонину на приём попала девочка из Минино, и в посёлок по её просьбе протянули центральное водоснабжение, участки здесь мгновенно стали дороже.

— Сейчас на карте окрестностей Красноярска посёлков около сорока. А в перспективе их будет ещё больше?

— Вы всё время хотите от меня однозначных ответов. Давайте поднимемся на этаж выше. Развитие малоэтажного строительства определяется уровнем достатка населения, тем, сколько денег человек может позволить себе потратить на жильё, наличием среднего класса, который может взять ипотеку. Этаж над этим — экономика России, над ним — мировая экономика, цены на нефть на мировом рынке. Чем благоприятней будет экономическая ситуация в стране, тем больше людей смогут купить себе дом. Но когда и как, загадывать трудно. И многое, повторюсь, зависит от системных усилий властей, краевых и городских. А пока строители индивидуальных посёлков — ледоколы, первопроходцы.

Ещё я бы сравнил их с медведем, который забрёл на хутор. На нём собаки виснут, медведь по одной их отдирает... Так и застройщики: законодательная база практически отсутствует, нормативы проработаны слабо, всё это допускает двусмысленное толкование, которое чиновник — стопроцентно! — всегда обращает в свою пользу. Есть трудности с инфраструктурой, с инженерными коммуникациями.

Те, кто строит посёлки, набивают такие шишки, что остаётся только посочувствовать.

Прибыль, конечно, есть, но она несравнима, например, с прибылью, которую получают компании, строящие многоэтажные дома. Бизнес идёт в малоэтажку, поскольку в Красноярске на рынок высотного строительства войти новому игроку очень сложно.

— Готовят ли в Инженерно-строительном институте специалистов по малоэтажному строительству?

— У нас есть курс по деревянным конструкциям. Но специалистов пока не готовят. Кто наши работодатели? Опять же застройщики посёлков, которые не могут обеспечить постоянный спрос. Вот если возникнет краевая программа по малоэтажке, будут вложены деньги в производственную базу, например, в изготовление тех же клеёных конструкций, из которых можно строить не только дома, но и очень красивые деревянные мосты, и общественные здания, и даже бассейны... Если начнётся в полную силу сооружение дороги Курагино — Кызыл, которую надо будет обустраивать, создавая вахтовые посёлки, если наши естественные монополии заинтересуются такими проектами, возникнет нужда в строительстве посёлков на Севере, в Арктике, — мы со своей стороны всегда готовы наладить выпуск специалистов.

Я абсолютно уверен, что будущее за малоэтажным строительством. Психологически люди делятся на урбанистов и почвенников. Есть те, кто ни за какие коврижки не переедет на землю, им нужна городская инфраструктура, квартира, соседи. Но другая часть не менее радикально настроена жить на своей земле. И их, мне кажется, больше. К сожалению, власть пока только декларирует им поддержку. Но лично у меня есть мечта — жить в своём доме. И я её когда-нибудь осуществлю.

Татьяна АЛЁШИНА

История по плану

Каждый город растёт и развивается по своей логике. Её определяют местоположение, климат, историческая эпоха и... люди. Как и кем была задана логика развития Красноярску мы попытаемся разобраться вместе с доктором архитектуры, профессором кафедры градостроительства Института архитектуры и дизайна СФУ Владимиром Иннокентьевичем ЦАРЁВЫМ.

Крепость

Место для острога воевода Андрей ДУБЕНСКИЙ выбрал отнюдь не из-за внезапного очарования красотой здешних мест, а в результате многолетних изысканий и согласований. Ещё в начале 1620-х годов было предпринято несколько экспедиций в верховья Енисея, чтобы поставить крепость для защиты Енисейска и Томска от вражеских набегов. Дубенский определился с местом в 1623 году: «На яру место угоднее, высоко и красно, и лес близко всякой есть, и пашенных мест и сенных покосов много, и государев де острог на том месте поставить можно».

— Но не только «эстетическими» и экономическими причинами руководствовался воевода Дубенский. При выборе места учитывались стратегические и тактические его качества, — уверен доктор архитектуры Владимир Царёв. — Здесь Енисей из относительно узких границ отрогов Саянских гор вырывается на более широкую площадь. В то время основными транспортными артериями были реки, и крепость могла организовать защиту водной дороги в узком месте. Сама площадка острога была выбрана с учётом правил средневековой фортификации. Стрелка в месте впадения Качи в Енисей с севера, юга и востока защищена водными преградами, поэтому главное внимание можно было уделять только западному направлению, на котором и была возведена самая мощная крепостная стена.

В 1625 году было получено царское дозволение строить в выбранном месте острог, но из-за нехватки средств и людей только весной 1628 года казачий отряд основателей нашего города выдвинулся из Енисейска, а 18 августа строительство малого деревянного острога было завершено.

В роли военной крепости Красноярск просуществовал до пожара 1773 года, после которого уцелело лишь 30 домов. Встал вопрос: есть ли смысл восстанавливать город, практически утративший своё военное значение, тем более что население его на тот момент не превышало двух тысяч человек? Крепость восстанавливать не стали, а вот город по велению императрицы Екатерины II стали возрождать. Из Тобольска (в тот период — столицы Сибири) в Красноярск прислали сержанта геодезии Петра МОИСЕЕВА, который должен был создать первый план развития города.

Во второй половине XVIII века в России распространялись введённые Петром I правила градостроительства с чёткой геометрической планировкой. Примером стал Санкт-Петербург, затем эти принципы стали распространяться по всей России. Первым городом линейной планировки в Восточной Сибири стал Красноярск.

— На Стрелке, где изначально была заложена крепость, Пётр Моисеев прочертил центральную ось, которой стала Большая улица (позднее — Воскресенская, Советская, проспект Сталина, ныне — проспект Мира). Вдоль этой главной оси разместились прямоугольники будущих кварталов. Центр по-прежнему остался на Стрелке. К этому времени там заканчивалось строительство первого каменного здания в городе — Воскресенского собора (уничтожен в 1960-х годах). От центра города Моисеев формировал новую прямоугольную структуру нового города. Надо сказать, что больших масштабов развития Красноярска он не предвидел, по плану длина главной улицы составляла всего 500 метров. А вот линейная планировка сыграет в дальнейшей судьбе города важную роль.

Уже к концу XVIII века запроектированные размеры оказались Красноярску тесны, он

перешагнул полукилометровую границу и двинулся дальше на запад. Вдоль центральной оси появились ещё две параллельные улицы — Гостинодворская (ныне — Карла Маркса) и Благовещенская (ныне — Ленина). В 1822 году император Александр I подписал указ об образовании Енисейской губернии, центром которой неожиданно для местного населения был избран Красноярск.

Столица губернии

В тот момент Енисейск был в несколько раз крупнее Красноярска, там было уже более десятка каменных церквей, а в Красноярске только две, в Енисейске разворачивалась основная торговля — фактически он был главным городом в Приенисейском крае!.. Но существенную роль в назначении Красноярска столицей губернии сыграло его расположение на Сибирском тракте. Прежде Енисейск был удобен как опорный пункт на пути с Енисея через Ангару до Иркутска и далее на восток. С появлением сухопутного тракта, который не зависел от времени года, значение Красноярска как транспортного узла стало расти, а Енисейска, соответственно, падать.

А ещё свою роль сыграла строгая геометрическая планировка Красноярска, который развивался не хаотично, по определённым правилам и тем самым приближался к столичным городам. Пренебрежение сибирскими центрами — Тобольск, Томск, Енисейск — похвалить этим не могли.

— Западный въезд в Красноярск тогда был со стороны Афонтовой горы — железной дороги ещё не было — и перед каждым въезжающим открывалась панорама аккуратно разбитого на прямоугольники кварталов города. Это нравилось властям.

В статусе столицы губернии Красноярску требовался новый перспективный план. Первоначальный его вариант при деятельном участии первого Енисейского губернатора Александра СТЕПАНОВА подготовил губернский архитектор Пётр ВОЦКИЙ. Фактически он зафиксировал границы, которых достиг Красноярск к этому моменту, поскольку перспективы для дальнейшего большого роста города местная власть не видела. Но в Петербурге считали иначе.

Инженер и архитектор шотландского происхождения Вильям ГЕСТЕ (в 1806-1817 гг. главный архитектор России) заявил: «Столица губернии должна иметь другие масштабы!». Автор генпланов Уфы, Саратова, Нижнего Новгорода, Омска и Томска отодвинул западную границу Красноярска до подножия Афонтовой горы, где сейчас проходит железная дорога — это было почти в два раза больше протяжённости города на тот момент! Для местной власти и горожан это оказалось полной неожиданностью, тем не менее, 2 декабря 1828 года генеральный план Красноярска был утверждён императором Николаем I.

— Итак, Красноярск впервые получил генеральный план, который всерьёз учитывал перспективы развития. Важной его особенностью было то, что центр города должен был переместиться со Старособорную площадь на Стрелку на Новособорную площадь (ныне площадь Революции). Размеры её в том плане были значительнее, чем сейчас. На территории существовавшей рожи был сохранён городской сад — он также был намного больше

нынешнего Центрального парка. На месте же нынешнего «серого дома» правительства Красноярского края в 1843 году началось строительство нового главного городского собора. Автором его проекта стал создатель «русско-византийского стиля» в храмовой архитектуре Константин ТОН.

Интересно, что одновременно с этим красноярским собором (самым большим в Сибири) в Москве по проекту того же архитектора возводили знаменитый храм Христа Спасителя. Судьба двух этих творений Константины Тона была трагически схожей: в Москве храм Христа Спасителя взорвали 5 декабря 1931 года, чтобы возвести на его месте Дворец Советов, в Красноярске Богородице-Рождественский собор взорвали 12 июля 1936 года, чтобы построить здание местного Дома Советов...

Перенос центра Красноярска, несмотря на высочайшее утверждение генплана, оказался непростым. Многие купцы не хотели перебираться на новое место, кроме того в районе Стрелки традиционно приставали лодки крестьян и купцов, приплывавших в Красноярск по Енисею. А вот набравшие силу золотопромышленники строили свои дома ближе к новой площади и настаивали на переносе торговли туда.

Предмостная площадь образца 1969 г.

— Спор, где быть главной торговой площади Красноярска, шёл долго, для разбирательства из Иркутска генерал-губернатором Восточной Сибири был даже направлен специальный посланник. В конце концов, торговые ряды оставили и на старой, и на новой площади — время рассудит, кто прав. Чтобы закрепить торговлю на старом месте, купцы в 1851 году решили строить каменные гостинные ряды, но из двух предполагавшихся корпусов смогли построить только один. К 1880-м годам торговля там окончательно угасла.

Проектом 1828 года было намечено создать в Красноярске ещё несколько площадей разного назначения. Поскольку Сибирь была сыльным и казначейным краем, рядом с тюрьмой была создана Острожная площадь (ныне район стадиона «Локомотив»). До наших дней сохранилась Плацпарадная площадь (ныне Красная), где проходили строевые учения и парады.

В конце XIX века, благодаря строительству Транссиба, вырос посёлок железнодорожников. Жители называли его Николаевской слободой в честь цесаревича Николая Александровича (будущий император Николай II), который в 1891 побывал в Красноярске. Позднее железная дорога дала Красноярску знаменитый мост и постоянную связь с правым берегом.

— Но Красноярск оставался исключительно левобережным городом. На правом берегу располагались деревни Базилика, Торгашино, Берёзовка, Ладейская. За пределами городской черты тогда находилась и Покровская слобода, которая сейчас является, ни много ни мало, частью Центрального района Красноярска. Неподальёку от Покровки стал расти и так называемый Военный городок.

Социалистический город

На рубеже XIX-XX веков город перерос границы генплана 1828 года. Но время создания концепции Большого Красноярска выпало уже на 1930-е годы. Примером для сибиряков стал знаменитый генеральный план Большой Москвы...

Самым известным проектом в Сибири стал Большой

Новосибирск (тогда — Ново-Николаевск), который Советское правительство в 1925 году сделало столицей гигантского Сибирского края. Большой Новосибирск строили согласно концепции «социалистических городов», которые должны были кардинальным образом отличаться от старых планировок, структурой и архитектурой. Приверженцы концепции требовали, чтобы новые «социалистические города» строили на новом месте в отдалении от прежней застройки, поэтому «социалистический город» Новосибирск должен был размещаться на левом берегу Оби, а «старый» — на правом. То же самое, но зеркально, произошло в Красноярске.

— В начале 1930-х годов в Красноярск из Москвы прибыла межведомственная комиссия, которая определила основные направления развития экономики и жизнедеятельности города. Во-первых, Красноярск — крупный административный центр. Во-вторых, развитие должны были получить деревообрабатывающая промышленность и машиностроение. На перспективу закладывали даже развитие алюминиевого производства! В то время уже были исследованы гидроресурсы Ангара-Енисейского бассейна и намечены планы строительства каскада из при-

близительно трёх десятков ГЭС, который бы дал электроэнергию, необходимую для выплавки алюминия. Вообще, именно гидроэнергетический потенциал стал основой для планирования развития Красноярска как крупного промышленного города.

В соответствии с концепцией «социалистических городов» новый Красноярск должен был располагаться исключительно на правом берегу. Здесь началось строительство первых городских объектов: КрасТЭЦ, цементного завода, завода Красмаш. В районе Базаихи формировалась группа лесоперерабатывающих предприятий. Левый берег предполагалось оставить таким, каким он сформировался к 1930 году, и далее его не развивать.

— Генплан московских проектировщиков взбудоражил город. Красноярцы были категорически против деления их на «старых» и «новых», против превращения исторического центра в «заполустье» и создания большинства рабочих мест на правом берегу. Сегодняшним «офисно-торговым» горожанам, наверное, не понять земляков 80-летней давности, которые буквально требовали строить предприятия и на левом берегу. Советское правительство было вынуждено прислать в город согласительную комиссию, которая в итоге поддержала... москвичей. Основным аргументом в пользу приоритетного развития правого берега было то, что он невысок по отношению к Енисею, ровный, имеет большие площади для промышленного и гражданского строительства, а на левом берегу площадей для застройки в одном уровне почти не осталось. Карабатся городу на верхние террасы окрестных гор и холмов проектировщики считали нецелесообразным.

Всё же к 1938 году был подготовлен компромиссный вариант перспективного плана. Именно он фактически стал основой дальнейшего развития Красноярска в XX веке. Но утвердить план в Москве до начала Великой Отечественной войны не успели.

Что же предполагал проект? Было заложено строительство автомобильного моста через остров Отдыха, правда, немного восточнее построенного за-

тем в 1961 году Коммунального моста. Выход с него на левом берегу предполагался на улицу Сурикова, а правобережная Предмостная площадь располагалась на месте нынешнего микрорайона «Южный берег». На острове Отдыха уже тогда были предусмотрены стадион, спортивные комплексы и все иные объекты для отдыха горожан. Спортивно-рекреационной зоной был и остров Татышев, мост через него тоже предполагался немного восточнее нынешнего Октябрьского моста. В районе левобережного выхода с моста планировалось организовать новый центр Красноярска. Эта идея сохранилась до последних генеральных планов, и в 1980-х годах даже началось строительство нового центра Красноярска как раз на выходе с Октябрьского моста.

В те же 30-е годы предлагалось организовать железнодорожный обход Красноярска с севера и строительство нового железнодорожного моста в районе посёлка Коркино. В результате в середине 1980-х уже на тот момент практически в черте города был построен автомобильно-железнодорожный мост 777. В плане 1938 года предусмотрено и строительство медицинского вуза и краевой больницы на нынешнем их месте. Это было предложение именно красноярцев, которые настаивали на освоении городом верхних террас левого берега.

— Вопреки широко распространённому мнению Великая Отечественная война не подтолкнула развитие Красноярска, а затормозила его, — уверен Владимир Царёв. — Для развития, в том числе транспортной инфраструктуры, тогда просто не было ни сил, ни средств. Определённые коррективы внесло появление тогда в Красноярске промышленных предприятий. В первую очередь это касается резкого роста численности населения, особенно сразу после войны, когда из сёл в краевой центр на работу на заводах стало переезжать множество людей. Только в середине 1950-х годов вновь появились возможности комплексного развития Красноярска. Именно поэтому многие процессы были сдвинуты. Но главные структурные элементы концепции 30-х годов — мосты, промышленные площадки, вузы — были воплощены в жизнь, причём практически это шло до конца XX века.

Что дальше?

Градостроительные идеи 1930-х годов в большинстве своём реализованы и исчерпаны. Страница под названием «социалистический город» дописана до конца...

— Основная сложность заключается в том, что нет ясных перспектив развития города. Каким он будет через 10-20-50 лет? — задаётся вопросом Владимир Царёв. — Перспективы совершенно неясны. Сейчас значительная часть населения к любым промышленным объектам относится отрицательно. Поэтому надо задуматься, как вообще существует сегодняшний город? На основе чего?

Многие красноярцы недовольны соседством, например, с КраЗом или Красноярской ГЭС. Они требуют чистый воздух и зелень вокруг. Но за счёт чего будет такое «благоепие»? В крае есть экологически чистый город с красивой архитектурой, без промышленности и незамерзающей реки — Енисейск. Вот только памятники архитектуры там разрушаются, современная инфраструктура не развивается, а экономически активное население стремится в «грязные», но более живые города...

— Безусловно, такие города, как Красноярск, которые находятся в ресурсонасыщенных регионах, должны быть связаны с освоением природных богатств. Только осваивать их нужно разумно, — уверен Владимир Царёв. — И ещё один исторический урок... На всех этапах развития нашего города самое активное участие в нём принимала государственная и муниципальная власть. Без взвешенной позиции власти общественность в состоянии организовать только шумные мероприятия, которые вместо разрешения вопроса могут завести его в тупик.

Андрей КУЗНЕЦОВ

Полная версия — на сайте газеты

«А2». Полёт нормальный

В квартале старых пятиэтажек на пр. Свободный, в одном из домов постройки годов 60-х, на самом последнем этаже офисного здания расположилась красноярская архитектурная проектная мастерская «А2». Переступаешь порог и попадаешь совершенно в другое измерение. Всё равно, что из сухой, жаркой пустыни — в оазис. Светло, удобно, просторно, как на чистом листе формата «А2».

Именно красноярская «А2», а не какой-нибудь столичный архитектурный кооператив, стала первой негосударственной мастерской, о которой в 1991 году рассказал авторитетный журнал «Архитектура СССР». «Это было потрясающе! — генеральный директор мастерской Борис ШАТАЛОВ (на фото сверху) достаёт с полки и протягивает мне старый журнал. — Статья под названием «Машина марки А2». Здесь наши самые первые проекты, да ещё на двух языках!».

Поиски смыслов

Сегодня «А2» — это, конечно, совсем не то, что 24 года назад: тогда в штате мастерской было всего три архитектора. Теперь она — не «автомобиль» с небольшим числом пассажиров, а, можно сказать, современный многоместный лайнер, высоко летящий Аэробус. По левому борту — архитекторы, по правому — конструкторы, за ними — инженеры, электрики и т.д. Командир корабля — по-прежнему Борис Шаталов, но теперь уже почётный архитектор России, председатель правления Красноярской организации Союза архитекторов РФ. Средний возраст «членов экипажа» почти как у самого «лайнера» — 25 лет.

Знакомимся. Николай ДЯДЕЧКИН в «А2» всего год, архитектор второй категории, одновременно преподаёт в Институте архитектуры и дизайна Сибирского федерального университета. — После института я успел поработать в разных мастерских, но именно здесь нашёл то, что искал, — рассказывает Николай. — Как сделать городской образ жизни более комфортным для человека, в том числе и с философской точки зрения? В этом плане в мастерской сделано уже немало. Например, проект «Город-река».

Речной фасад может многое сказать о городе, как лицо человека о его личности. Тенденция последних десятилетий в мире — санация береговой линии и поворот городов к рекам. Подобное и мы хотим сделать в Красноярске, чтобы река служила в первую очередь не предприятиям, а людям.

Николай показывает цветной эскиз. По обеим сторонам Енисея тянутся параллельно две красные линии — так вдоль реки изначально застраивался город. Перпендикулярно к ним идут несколько жёлтых линеек. «Вот эти перпендикуляры, — поясняет архитектор, — как раз и показывают, как можно вернуть город к набережной. Здесь должны концентрироваться рекреационные объекты инфраструктуры».

Философия новых микрорайонов

Другой проект «Город — мой дом», в частности, концепция микрорайона «СИТИ» в жилом массиве «Слобода весны» в Советском районе Красноярска — также представляет интерес своей новизной и... философией. Архитекторы изначально задают вопросы: чего не хватает современным городам? Почему жизнь в историческом центре по-прежнему наиболее привлекательна? И приходят к неутешительному выводу.

Микрорайоны, как острова, омываемые бушующим океаном, предоставлены сами себе и практически не обитаемы большую часть времени... Многоэтажная застройка микрорайонов враждебна людям, урбанистический пейзаж утомляет своей монотонностью, а масштаб подавляет индивидуальность... Микрорайон становится местом ночлега, он не интересен городу и самому себе (из описания проекта «Город — мой дом»).

Эскизный проект «Красноярск-Сити» реализует концепцию многоэтажного высотного домостроения. Но, можете не сомневаться, это будет принципиально новая среда обитания: Ледовый дворец, Аквапарк и торгово-досуговый центр спортивного плана; рекреационная зона — пешеходный бульвар, парковая зона, искусственный водоём, беговые и велосипедные дорожки, парк аттракционов... Красиво. Убедительно.

— Мы стараемся донести до общественности, своих коллег и застройщиков наши мысли о Красноярске, — продолжает Николай Дядечкин. — Хотим показать, по каким принципам и законам город должен развиваться, а по какому пути очень опасно идти.

— Например?

— Самая большая проблема всех крупных городов — разрастание, удлинение коммуникаций, в том числе транспортных и инженерных. С этим вообще мировая урбанистика борется.

— А мы?

— Если взять пример Красноярска, многие привлекательные инвестиционные проекты, которые продвигает власть, находятся на периферии, не уплотняя внутреннюю структуру города, не решая внутренних противоречий, таких как вынос промышленных неработающих предприятий за пределы центра города, как восстановление погибающих территорий и т.д.

В противовес такой реальности на базе мастерской «А2» в этом году состоялась защита двух интересных дипломных работ студентов ИАИД СФУ. Диплом Ивана РЯПОСОВА касался реконструкции территории комбайнового завода. Автор предлагал сделать эту территорию органичным продолжением исторического центра города и разместить на ней сеть жилых кварталов из 5–7-этажных домов, создав среду, удобную для жизни и комфортную для пешеходов.

Второй диплом (автор — Алёна ЧЕРНОПЛЕЧАЯ) тоже актуален — нацелен на создание интермодального транспортного узла в створе четвёртого моста. В одной точке города создаётся узел, откуда можно уехать на любом виде транспорта, будь то велосипед, автомобиль, автобус, трамвай, речное судно. Может быть, именно за такими проектами будущее?

На опережение

Есть в творческом портфеле мастерской «А2» интересные идеи, которые сегодня отчасти воспринимаются как фантастика.

— Мы рисуем в очень многих проектах эксплуатируемые крыши, и я считаю, что применение их в Сибири — это уже дело недалёкого будущего, — говорит гендиректор «А2» Борис Шаталов. — Чтобы на крышах были сады, эти крыши надо специально готовить. Нужны водоотводы, особые покрытия, соответствующие нашему климату. Я считаю, мы должны пытаться удлинять своё лето и не мешать людям, которые, например, готовы зимой ездить на велосипеде, тем более, что сейчас климат изменился, да и велосипеды с шипами выпускают.

Сейчас заканчиваем концепцию «Зелёная волна» — это проект центральной части микрорайона «Взлётка». Предлагаем создать трёхкилометровое общественное пространство от «Арены Север» и торгово-развлекательного центра «Планета» до острова Татышев. Безопасная и безбарьерная среда для пешеходов, велосипедистов и роллеров. Эту работу над проектом нам никто не оплачивает, но понимая важность и перспективность идеи, мы её продвигаем.

Концепт «Зелёная волна» предполагает разведение пешеходных и автомобильных потоков. На протяжении трёх километров они могут не встречаться: дважды пешеходы ныряют под дороги, и дважды дороги ныряют под парк. Нет ничего оригинального, но это работает. Если исключить возможность контакта человека с автомобилем, либо автомобиля с автомобилем, это поможет разгрузить улицы города.

Сейчас для нас объект № 1 — спортивно-тренировочный комплекс «Академия зимних видов спорта» в районе Николаевской сопки.

— Об этом многообещающем проекте олимпийского уровня сегодня много пишет пресса. Мне понравилась идея «дырявой» крыши: сквозь неё проходят деревья...

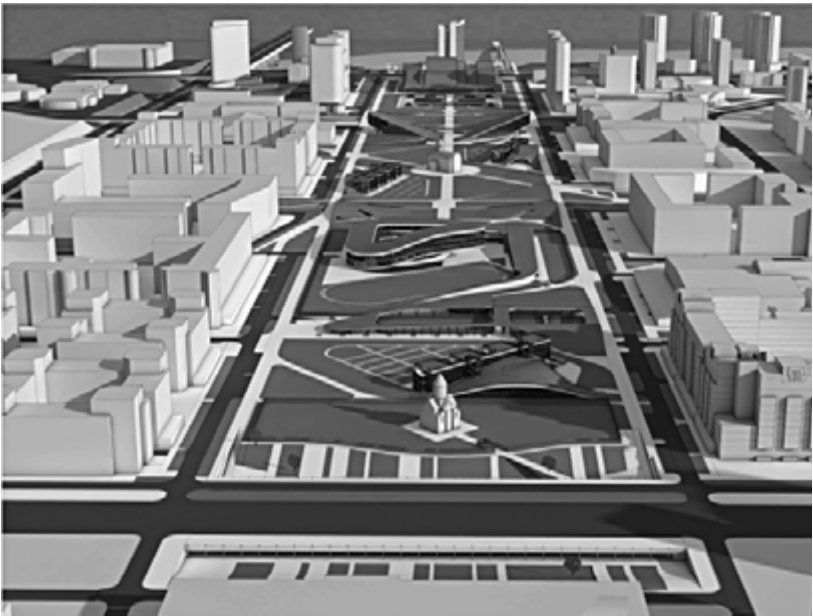
— Это просто рисунок, в указанном месте вообще нет деревьев, но нам никто не мешает под «дырявыми» крышами посадить ели. Когда дерево вырастет, оно эту крышу пройдёт насквозь. Мы уже выполнили проект спортивно-тренировочного блока «Горный», рассчитанного на 280 горнолыжников. Сейчас приступаем к проектированию многофункционального спортивного центра «Сопка», строительство которого запланировано на следующий год.

ОБРАЗованные личности

Образ проектной мастерской создают яркие персоны, талантливые личности.

Несмотря на молодость, Артём ЭЛЛИ уже член Союза архитекторов России, участвовал в создании порядка 30 проектов «А2».

— Первая самостоятельная работа была, когда я учился на последнем курсе, — вспоминает Артём. — Мастерская разрабатывала проект 16-этажного дома на ул. 9 Мая. Нам поставили задачу придать дому нетривиальный внешний вид, который бы соответствовал статусу объекта и его месту. Помню, как мы с сокурсником перебрали массу вариантов. Днём занимались учёбой, а по вечерам делали наброски. Каждые два дня приходили в мастерскую и показывали результаты творчества генеральному. Мы уже и не надеялись на успех, как вдруг Борис Борисович нас похвалил и вынес нашу идею на коллективное обсуждение.

Из проекта «Зелёная волна»

Все посмотрели и даже немного испугались — радикальное решение! Мы рискнули из обычного прямоугольного дома сделать круглый, получился этакий стеклянный полумцилиндр. Основную часть здания, выходящую на главную сторону, закруглили за счёт балконов. Семь лет назад, на фоне панельных многоэтажек 97-й серии, этот дом смотрелся оригинально, в нём, как в зеркале, отражались все краски улицы!

Борис Борисович тогда, несмотря на предупреждения по поводу удорожания и усложнения объекта, пошёл на риск, поддерживал нас, «зелёных» студентов.

— Говорят, будущих архитекторов ещё со студенческой скамьи учат держать удар в случае неудачи, ведь не все идеи воплощаются...

— Скажу больше: иногда какие-то вещи мастерская делает, чтобы познать ответственность с возможными решениями, показать, как могло бы быть. Помню, мы проектировали филиал краеведческого музея на ул. Калинина, где сейчас неблагополучная постиндустриальная среда. Проект должен был сработать как «Эффект Бильбао», когда объект культуры вносится в депрессивную среду, вызывает интерес к месту, а затем привлекает инвестиции и помогает этой среде развиваться. Хотим, чтобы такие идеи не оставались только на бумаге...

Центр притяжения

На архитектурном сленге «магниты» — это центры притяжения: крупные общественные, культурные и торговые комплексы. Анастасия ШАРЫПОВА, получив диплом о высшем образовании в Новосибирске, приехала в Красноярск вовсе не для того, чтобы сходить в оперный театр, на Столбы или полюбоваться Енисеем. Магнитом стала ...мастерская Шаталова. Четыре года назад свежеспечённый дипломированный архитектор из всех предложений о работе выбрала именно «А2».

— Нашла сайт мастерской в Интернете, открыла рубрику «проекты» и... очень всё понравилось, загорелась и приехала, — рассказывает Настя. — Работа интересная и перспективная в плане собственного профессионального роста. И ещё важно, что здесь тёплая, комфортная атмосфера, дни рождения отмечаем, появление детей... Всё по-семейному.

Самые первые проекты, в которых я приняла участие, — жилой массив «Слобода весны» и исследование возможности размещения гаражей и парковок на территории Красноярска. Потом были спортивные объекты, общественные здания.

В данный момент работаю над жилым домом. Хочется, чтобы квартиры имели более гибкую планировочную и конструктивную схему, а их внутреннее пространство с течением жизни имело возможность выстраиваться под меняющийся образ жизни человека, рост семьи и т.д. Чтобы комфортными были не только квартиры, но и дворы.

Что есть красота?

Если следовать определению, то архитектура — это особое искусство создавать здания и сооружения по законам красоты. Однако как раз этого качества так не хватает новым объектам... Почему наш город остаётся невыразительным?

— Объектов, которые можно привести в пример, действительно немного, — выдержав па-

Для большого числа красноярцев — это кусок жизни и памяти. Когда его вырвали с корнем, то нас словно обокрали. Внутренне объект был очень цельный. Позднее сделали кинопарк «Пикра» с врезавшимся самолётом. Не сразу, но сжились с потерей, стали привыкать... Потом и это сломали. Я дома воспринимаю как людей и поэтому выступаю против переписывания истории без крайней нужды...

И мир посмотреть, и себя показать

— Два года назад в одном из интервью вы, Борис Борисович, сетовали на отсутствие в нашем городе архитектурных конкурсов...

— Ничего пока не изменилось. Практика их проведения чрезвычайно фрагментарна не только для Красноярска, но и для России в целом (одна из причин кроется в несовершенстве закона ФЗ-94, когда на первый план выходит стоимость объекта, а не его качество — прим. автора). Архитектурные конкурсы вообще для нашей страны экзотика, в то время как в мире — это обычное явление.

Нашему теперь уже миллионному городу, если он позиционирует себя как мегаполис, известный миру, строить по конкурсу просто необходимо. И не бояться участия знаменитостей и звёзд, в том числе и зарубежных.

— Похоже, «А2» не ждёт у моря погоды, а то и дело выходит со своими проектами на международный уровень...

— В 2009 году мастерская А2 вошла в шорт-лист по итогам Международного конкурса на проект школы танцев Мулен Руж в Париже. То есть мы были в числе 12-ти награждённых из 350 с лишним проектов и оказались самой успешной российской командой на этом конкурсе (arquitectum.com). Нам такое участие интересно как вызов, как возможность профессионально пометчать... Тематика бывает очень разной: от проекта «Домик для куклы» или «Музей Лошади» — до вертикального зоопарка в Буэнос-Айресе (2009). Мы точно знаем, что вертикальный зоопарк нам не заказут ни в Москве, ни в Находке, но это интересно!

Я молодым коллегам-архитекторам всегда говорю: «Если любите свою профессию и хотите сделать карьеру, должны самообразованием заниматься всегда!». Поэтому были у ребят командировки в Италию, во Францию — стараясь дать им возможность и мир посмотреть, и себя показать.

Для людей, не для молекул...

— Архитектура делается для людей, а не для зверей или молекул воды, — убеждён руководитель мастерской. — Я коренной красноярец и воспринимаю этот город как собственный дом, а недостатки в нём — как ссадины на родном теле. «А2» ставит перед собой амбициозную задачу — только высокая, настоящая архитектура, с полётом творческой фантазии, с высочайшим качеством исполнения.

— И когда мастерской заказывали проект, который не вписывался по каким-то причинам в ваши представления?..

— Приходилось переубеждать, доказывать. Если не получалось, я считал это своим поражением, потому что победой было бы переубедить заказчика. Например, однажды нам поступил заказ: запроектировать мебельный шоу-рум. Мы предложили разместить объект под землёй, а наверху сохранить зелёную зону. Предусмотрели большой зенитный фонарь и оригинальный вход-«улитку», заманивающую в подземное «царство», ведь шоу-руму не нужны прозрачные витрины. Однако заказчик не согласился с нашими аргументами, и нам пришлось расстаться. Я никогда не проектировал то, что считал аморальным или неприемлемым.

Вера КИРИЧЕНКО

Каменная песня Арэга ДЕМИРХАНОВА

«Жду вас у камня», — позвонил снизу Демирханов. Вышла встречать. Он действительно стоял у камня перед входом в один из корпусов СФУ (через час прославленный архитектор будет в университете принимать госэкзамен) и, опираясь на трость, докуривал сигарету... Как всегда при параде, в белом пиджаке, при галстуке, с роскошной бородой и в тёмных очках. Вокруг оживлённо ворковали, периодически срываясь на громкий смех, стайки студентов.

Мы вошли в новый корпус Института нефти и газа — просторное, многосветное, многометровой высоты помещение. Мой спутник остановился, поднял голову: «Люблю атриум! Такое громадное пространство, воздуха много. И ещё одно качество, очень важное для Сибири — помещение всесезонное: ты находишься вроде на улице, но в тепле. Вот в чём прелесть! И я не просто люблю атриум, а стараюсь везде его применять. Например, в помещении музейного центра на Стрелке или в здании бывшего красноярского автовокзала. Это не просто эстетика. Основной материал архитектора — пространство и его организация от малого объёма к большому. Здесь все законы построения искусства — музыкального, хореографического — люблю! Поэтому композиционно — это доминанта, мощь!»

Арэг — это Солнце

По дороге в редакцию, где мы договорились побеседовать, я рассказываю Арэгу Саркисовичу о том, какие подробности откопала про его экзотическое имя (фамилии журналисты уже давно рассекретили: производное от «Темир-хан» — Железный хан — почётное прозвище, данное его прадеду). По одной из легенд, Арэг — герой, спасающий целый город от ведьмы и ставший царём. По другой — девушка, превращённая в юношу. — А буквального перевода да вы не нашли? — улыбается Арэг Саркисович. — Арэг — это Солнце. А как только ни коверкали моё имя журналисты и чиновники: то Арзэг напишут, а то Арык или Орех, — по четыре ошибки умудряются сделать в одном слове! Однажды пришлось столько документов важных переделывать... Понятно, что для России имя непривычное. Мама-то у меня русская, а отец — чистокровный армянин. — Как они познакомились? — Отец был журналистом. Отчаянным, замечательным. Приехал в Новосибирск, полюбил мою маму Александру Константиновну. В 1941-м мне было всего 9 лет. Только отпраздновали мой день рождения 21 июня, а на следующий день узнали страшную новость. Нас разлучила война. Отец оказался далеко, на Кавказе. А маму как партработника направляли в самые горячие точки страны, и она брала меня с собой то в Орёл, то в Молдавию... Приходилось мне и санитарные поезда мыть, и на полях урожай собирать... Дети работали рядом с женщинами. Самый старший мужчина в моём окружении зачастую был 12-летним. Выживать надо было... Поэтому я к моим годам мысленно всегда добавляю сотню лет, потому что в период с 1941 года по 1950 — Арэга Саркисовича могло не быть в любой день. К моменту моего выхода во взрослую жизнь большая часть страны и самая её лучшая культурная часть лежала в руинах, поэтому строительство было самым престижным, востребованным искусством, ремеслом того времени. Так что выбор я сделал осознанно, тем более в детстве неплохо рисовал.

Этот город самый лучший Город на Земле...

— В ваших работах чувствуется влияние питерской архитектурной школы. Это от большой любви к городу на Неве? — Конечно, я ведь, можно сказать, учился в Ленинграде, хотя

заканчивал институт в Новосибирске, куда во время войны съехалась инженерная и художественная элита из Москвы и Ленинграда. Мы, конечно, не могли в то время посмотреть жемчужины мировой архитектуры воочию, побывать в Италии, Греции... Зато у нас был город на Неве. Он всегда меня привлекал как образцовый, с точки зрения своего построения. Здесь сосредоточены образцы европейской культуры, в высшей степени реализованные. Новосибирск тоже интересен в архитектурном плане, один из самых замечательных оперных театров — не просто России, а мира — находился именно здесь.

— Если бы вам в молодости предложили выбрать любой из регионов России, куда бы поехали?

— Ничего бы не поменял. Сразу после института я отправился на самую окраину державы, на Дальний Восток, в Комсомольск-на-Амуре. Это мой город-ровесник, ему тоже в этом году исполняется 80. Своё 25-летие я справлял там, на законченном объекте и даже получил в награду именные часы. Мне посчастливилось запроектировать с чистого листа город Амурск. Спустя много лет встречаю женщину, а она говорит: «Я родилась в Амурске». Для меня это был подарок.

Предлагали мне в своё время и в Выборг поехать, и к отчому дому — в Тбилиси.

— И что же?

— Арэг Саркисович верный сибиряк (*смеётся*). Как побывал однажды в гостях у моего однокашника — красноярца Эдуарда Михайловича ПАНОВА (заслуженный архитектор России), так и остался. Здесь царил строительный бум. Я был востребован и главное — моя работа завершалась зримыми результатами.

— А не щемит сердце, когда видите, что объект не используется в наши дни по первоначальному назначению? Взять хотя бы бывший музей Ленина на Стрелке... Вы же, прежде чем его строить, все музеи Ленина объездили — и в стране, и за рубежом...

— Щемит (*пауза*). И не только из-за одного музея Ленина. Щемит от всепроникающей коммерциализации. Конец цитаты.

— О чём ещё сожалеете?

— Совершенство компьютерной техники позволяет сегодня архитекторам строить 3D-модели и т.д. Всё это великолепно, но нет рукоделия. Известная армянская писательница Мариэтта Шагинян говорила: «Я не могу писать на пишущей машинке, мне надо в руку обязательно взять перо и им, касаясь бумаги, переживая собственные эмоции». Я с ней абсолютно согласен.

Источник вдохновения

— Вы проектировали градостроительные комплексы, общественные и жилые здания, произведения монументального искусства, культовые сооружения, интерьеры и музейные экспозиции. А что давало больше радости душе?

— Для меня это всё равно, что отвечать на вопрос: кого ты больше любишь — папу или маму? Но раз уж вы спросили...

Вспоминаю, как мы строили Мемориал к 30-летию Победы на Покровской горе, где были сделаны захоронения умерших в госпиталях. Вместе с руководителями края мы отстояли решение возводить не монументальную уличную композицию, как в других городах, а сделать закрытый мемориальный зал. Теперь экскурсанты и родственники павших воинов могут прийти, посмотреть списки фамилий, в тепле посидеть, возложить цветы...

— Как рождаются у вас архитектурные образы?

— Архитектура отличается от всех видов искусств тем, что она достаточно синтетична. Помните триаду Витрувия? Прочность, польза, красота. Красота — самое сложное. Это может родиться ночью и вообще неизвестно когда. Воплощается она не всегда в угоду пользе. Такова реальность. Архитектор должен проникнуться заботами любого вида деятельности. Проектируешь, к примеру, детсад — примеряешь на себя роль и воспитателя, и ребёнка. А можно «освоить» и другие профессии

— врача, художника, инженера, банкира, писателя...

— В своё время вы прониклись чувством культурного голода красноярцев и примерили на себя артистическую профессию. Это я о Концертном комплексе на Стрелке.

— Не будь Анны Павловны Керн — не было бы и «Я помню чудное мгновенье». Вот и мне повезло с персонами... Я уже не раз говорил, что склоняю голову в благодарности судьбе за то, что она свела меня с таким отчаянным, со здоровым честолюбием человеком, как Павел Стефанович ФЕДИРКО, в прошлом первый секретарь Красноярского крайкома КПСС. Помните лозунг тех лет: «Превратим Сибирь в край высокой культуры!»? Вначале идеей загорелся именно Павел Стефанович. К тому времени чётко обозначились профессионалы — хозяева будущих объектов. Большой концертный зал — для Ансамбля танца Сибири Михаила Семёновича ГОДЕНКО. Малый делался под коллектив мирового уровня — Красноярский симфонический оркестр под управлением Ивана Всеволодовича ШПИЛЛЕРА.

— Критика качества звука в Большом концертном зале уже стала притчей во языцех. А всё потому, что люди не знают изначального его предназначения...

— По законам акустики зал должен напоминать бутылку, обращенную горлышком к сцене. Но мы-то, проектируя его под ансамбль танца Сибири, хотели видеть артистов во всём великолепии: улыбки танцующих, их изумительные костюмы и т.д. Поэтому я его растянул, расширил, чтобы приблизить зрителей к сцене, но акустика в таких залах, где более тысячи человек, обычно всегда искусственная.

Противостояние

— И часто вам приходится отвоёвывать свою идею, выслушивать критику оппонентов?

— Вся биография архитектора, особенно автора проекта, состоит в преодолении сложнейших препятствий. Вообразите, что я показываю эскиз Большого концертного зала, а меня спрашивают: во сколько это выльется? Оказывается, зал будет стоить целой серии жилых домов. Обосновывать целесообразность затрат на воплощение идеи мне приходилось в самых сложных инстанциях. Все до одного объекта, что построены в Красноярске по моим авторским эскизам, начиная с гостиницы «Красноярск», защищались в центральных органах столицы нашей родины — Москве, в трёх министерствах. Например, музей Ленина я защищал в ЦК КПСС, целый месяц там жил, ходил, доказывал...

Работа архитектора — это ещё терпение, потому что бывают и долготроии. Возведение филиала музея Ленина на протяжении восьми лет вообще можно считать народной стройкой. На интерьеры и на экспозиционные элементы музея работали практически все заводы края. Кто-то делал светильники, кто-то пюпитры, элементы экспозиции т.д. Поэтому наши стройки называют иногда фронтом работ. Фронт, вечная борьба, преодоление материалов, времени, сроков, качества и т.д.

Или ещё пример. Когда задумывалось здание Енисейского речного пароходства, надо было обосновать целесообразность его появления среди деревянных одноэтажных домиков. Мне намекали, мол, пустая затея, но я не сдавался, убеждал: это знак нашей будущей Театральной площади! Спустя 30 лет замысел завершился качественным оформлением фасадов. Почему так долго? Раньше на это ни денег, ни материала нужного не находили. Проще говоря, экономили. Так что жизнь архитектора — это, ещё раз повторю, терпение. Знаете, в чём драма людей нашей профессии? Если художник что-то не дорисовал — он может спрятать свою картину в мастерской и никому не показывать. А тут — стоит громада у всех на глазах, а люди думают — что же ты, Арэг Саркисович, не додумал?..

— Вы сожалеете о чём-то, построенном много лет назад?

— Нет, по-другому я бы не сделал, особенно градостроитель-

БЛИЦ

Стекло, бетон, камень — ваш любимый материал?

Дерево! Потому что это самый гигиеничный материал, я бы сплошь дома строил из дерева при условии соблюдения пожарной безопасности.

В чём секрет вашей молодости?

Не скажу, а то все помолодеют, стариков не будет. Если серьёзно — в работе и в родителях, передавших сильные гены.

Во сколько начинаете рабочий день?

В 6 часов утра. Сейчас сплю только 5 часов в сутки, но мне этого достаточно.

Ваше любимое блюдо?

Картофель в мундире, запечённый в русской печи, и холодная простокваша. Ой, ещё и армянское блюдо есть — солёный сыр — чанах, лори и лаваш.

ные комплексы. Жалею только, что в то время не было такого разнообразия материалов ни по фактуре, ни по цветовой палитре. Некоторые инженерные сооружения видоизменились до неузнаваемости: вентиляторы раньше делали высотой семь метров, а теперь они по размерам напоминают холодильник. Так, во время недавней реконструкции Большого концертного зала бывшее вентиляционное помещение нам удалось приспособить под уютный Камерный зал на 120 мест. Там сегодня проходят детские спектакли и концерты для будущих мамочек. В результате реконструкции в БКЗ появилось огромное фойе над лестницей. Я рисовал его изначально, но его в те годы «обрезали» из-за экономии. Сейчас это огромный зал, где можно проводить масштабные мероприятия. Это, к счастью, я успел воплотить сам, при жизни.

Художник, философ, поэт

— Какой у вас сегодня самый горячий объект?

— Купольная надстройка над главным корпусом Красноярского государственного медицинского университета. По замыслу ректора Ивана Павловича АРТЮХОВА, здесь будет размещаться музей истории медицины края, чего вуз, безусловно, заслуживает. У нас замечательная врачебная школа — это я не из вежливости говорю, а как человек, перенёсший четыре серьёзнейших операции и имеющий счастье беседовать с вами, перемещаться, работать. В одном из самых больших стеклянных куполов в российской державе будет находиться зал учёного совета. Место очень ответственное, на Красном Яру, в высокой точке города.

Величественный, монументальный, небывалый — это про объекты Демирханова. Он автор проектов застройки площади им. 350-летия Красноярска, концертного комплекса на Стрелке, КИЦа (бывшего музея Ленина), Театра музыки, Театра кукол, армянской апостольской церкви «Сурб Саркис», других общественных зданий и комплексов.

Два года назад почётный гражданин Красноярска Арэг Саркисович Демирханов издал книгу «Городу и миру», представил общественности новый масштабный проект — музей мировой культуры, который, по его замыслу, должен расположиться ниже часовни Параскевы Пятницы. В музее на Караульной горе предполагается разместить экспозиции, посвящённые событиям мирового масштаба и людям, которые внесли личный вклад в историю города и края.

О своей собственной популярности Демирханов не прочь пошутить: «Когда меня спрашивают, кого вы считаете крупнейшим архитектором современности (не мной придумано, но цитирую с полным правом), я отвечаю: нас несколько!».

— Вас узнают на улице?

— Да. Больше всего меня огорчает, что люди воспринимают известного человека чаще всего как представителя власти, чиновника из администрации и т.д. Мне приходится трудно — горожане обращаются со своими бытовыми проблемами. Я хотел украсить жизнь многих и, считаю, мне кое-что удалось сделать. Я так и написал в одном из своих эссе: «От этой каменной песни вдруг чьей-то душе полечает. Не делать нам жизнь прелестней, но мы утешаем печали...». Но сделать счастливей вряд ли кого-то смогу.

— А когда у вас проявился поэтический дар?

— Я не называю это творчество поэтическим, а скорее расчудочным. Если мне не удаётся загрузить себя рисованием, придумыванием проектов, тогда в любой из моментов я пишу то, что назвал очень метко замечательный человек, к сожалению, ушедший из жизни, бывший ректор художественного института Виталий Ананович ПЕТРОВ-КАМЧАТСКИЙ. Он сказал: это не стихи, ребята, это слова и мысли. Вот точная оценка этой части моего творчества. Одно из обязательных качеств человеческих, которые я уважаю, это самоирония. Мы должны оценивать собственную персону в этом гигантском мироздании, не преувеличивая её значение и возможность. Но произнесённое слово хорошо тем, насколько оно может быть многозначно. Попробуйте перевести!

Как перед выходом на сцену Трясусь — в рядах сплошная знать. Себе давно я знаю цену, Но знать-то может и не знать... Или ещё — но это уже не самоирония, а скорее борьба за чистоту русского языка — замечательного, выразительного безумно. Но вот против засорения нашей речи паразитом «как бы» — прочту вам «антикакбы»: Когда я всё же как бы помру, Дорогие мои россияне, Соберитесь на Красном Яру, На народное как бы гулянье. Где царит енисейская даль, Где душит красота как похмелье, Снизойдёт на вас

как бы печаль, Как бы радость и как бы веселье, Как бы вместе мы песню споём Про улыбку, глаза как бы синие И про то, что мы как бы живём И пока ещё как бы в России. ...Прощаясь, Арэг Саркисович опять улыбнулся: «А вы знаете, как на родном языке называют Армению? Карастан — страна камня. Символ моей родины — «хачкары» (крест-камни) — памятники, рассыпанные по всей Армении. Таких нет больше нигде в мире. Я с уважением и почтением отношусь к культуре своего отца и считаю себя богачом. Вот на таком сплаве древнеармянской и великой русской культуры держусь!».

Вера КИРИЧЕНКО

Тюльпаны, пни и «Сибирский Манхэттен»

Пункт «озеленение» стоит сегодня на высоких позициях в рейтинге проблем современных городов. Как российских, так и европейских. Ведь это не просто вопрос красоты, уюта и выразительности городской среды, но ещё и здоровья жителей. Про то, что деревья и цветы могут нас лечить и радовать, лучше всех знает Ольга СМИРНОВА, главный архитектор компании «Сады Семирамиды». Её и её коллег в профессиональной среде называют «озеленителями тайги» — то есть специалистами, которые уверены, что сибирскому городу недостаточно диких густых лесов по берегам Енисея. В частности, Красноярск нужно озеленять и озеленять. Сколько нужно деревьев нашему городу, какой опыт Европы полезно перенять и почему сады на крышах — это наше будущее, об этом мы и говорили.

— Должны ли города, эти обособленные места цивилизации, быть задуманы в единстве с природой?

— В Сибири изначально строительство было тесно связано с природой, тайгой. Красноярск, например, построен иначе по сравнению с европейскими городами. В Европе многие столицы похожи на лабиринт, у нас же прямые улицы изначально всегда замыкались перспективой на реку, на другой берег Енисея, на Такмак. В Европе — на творение рук человеческого.

— А есть миф, что сибирские города возведены вопреки, в противостоянии с природой. И когда видишь жалкие кустики наших дворов — там, где раньше были леса, как-то убеждаешься, что с живой природой город не в ладах...

— Почему в наших городах начали уничтожать зелень? Комары. Огромное количество комаров! К тому же было много закрытого пространства — леса. А хотелось простора. Человеку ведь не хватает не только деревьев, но и пространства. Исследования показывают, что из всех видов парков лучше всего оздоравливают лугопарки. Когда под ногами трава, вдали деревья и природный простор посередине — это выравнивает человеческую энергетику, многократно увеличивает её.

— Мы с вами сейчас находимся в Академгородке, самом, пожалуй, зелёном месте Красноярска. Но в некоторых районах города абсолютно голо! Взлётка, Северный выглядят как выжженные пространства. Красноярск вообще для среднего российского города — слабо озеленён, средне, достаточно?

— Очень слабо, во всём городе не хватает растительности! Это связано с бурным строительством, плюс — низкая культура озеленения. Вокруг ведь тайга, вроде можно и не озеленять... В районе «Планеты», например, на стадии планировки жилых районов зелёные пространства предусматривались. Но когда переходили к проектированию конкретных кварталов, идеи озеленения уничтожали. Застройщик абсолютно не был заинтересован в парках, и архитекторы уступали, подводя под это свою «строительную» философию. Обиднее всего, что это стало привычной и сознательной политикой. Строительная гонка, глобальный план по обеспечению народа жильём — этим всегда гордились у нас. Но это всё равно, как хватать, что у тебя голова выросла гораздо больше, чем у соседа.

— А как-то можно доозеленять новые районы?

— Огромные трудности в том, что при строительстве в землю закапывался весь строительный мусор: бетон, пенопласт, стекло, проволока, — всё то, на чём растения жить не могут. Сверху просто присыпалось тонким слоем земли... Когда в такие районы приглашали компанию «Зелёный мир» высаживать деревья, ломались буры. Нельзя было пробурить эту непригодную уже землю. Постфактум озеленять очень трудно.

— В Москве недавно реставрировали Парк Горького. Судя по отзывам архитекторов и просто горожан, теперь это большая культурно-парковая зона европейского уровня. В Красноярске такое пространство может появиться?

— В какой-то мере таким местом уже становится остров Татышев. Хотя в плане озеленения эта зона неидеальна. Я с грустью смотрю на квадратно-гнездовые посадки, которые там совсем ни к чему. Вспоминается опыт Павловского парка, осуществлён-

ный Пьетром ГОНЗАГО. В своё время он вырубил в одном из районов парка семьдесят пять процентов берёз, сформировал большие поляны. Теперь это называется «район Белой берёзы» и считается шедевром. Может, и у нас, когда подрастут насаждения на Татышеве, тоже станет возможным как-то формировать пространство.

— В чём выигрышные стороны острова Татышев?

— Огромный плюс острова в том, что он принимает велосипедистов. Ведь у нас им совсем негде ездить. А там есть и дорожки, и специальная разметка. К тому же Татышев чистят — по крайней мере центральную часть острова.

Преимущество Татышева в мировом масштабе — площадь. Сравните 612 гектаров наших и 600 гектаров «Центрального парка» на Манхэттене. Можно сказать, что это наш сибирский «Центральный парк». Остров спасает сегодня то, что на нём нет водопровода и канализации. Потому что как только они появятся — тут же возникнет желание всё застроить зданиями. К счастью, пока это дорого.

— Новый мэр Красноярска выдвигал предвыборный лозунг: «миллионному городу — миллион деревьев». Миллион — это много или мало?

— Это довольно много. Ну, например, чтобы засадить площадь, равную историческому центру, понадобится 123 тыс. деревьев. Но печаль в том, что многие деревья в городе нужно просто заменять. Потому что деревья, которые спилены «под пень» (это наши инстанции якобы следуют европейской практике), на самом деле — погублены. Это огромное вредительство и банальная имитация бурной деятельности в городе. Однажды я подошла к «пильщикам» и сказала: вы знаете, что тополь может лечить только тогда, когда у него есть крона? Обрубите ствол — и он будет вреден, дерево вынуждено будет брать энергию у людей, чтобы выжить. И мне ответили: знаем. Знают и пилят.

Да, в Европе тоже подрезают деревья, формируют их, но не в пень же. Обрубленное дерево — это умирающий калека. И люди интуитивно это чувствуют. Чтобы Красноярску вернуть здоровую зелень, такие «обрубки» нужно выкорчевать и на эти места посадить новые деревья. А выкорчевать, кстати, гораздо дороже, чем грамотно подрезать.

— Раньше в небольшом парке напротив администрации хотелось пройтись под тенью деревьев, посидеть возле библиотеки. Сейчас туда не хочется заходить.

— Люди эту «нездоровость» деревьев действительно чувствуют. Когда наступает весна, город пронизывает невероятная тоска. Это потому, что вокруг стоят эти страшные пни.

Люди интуитивно чувствуют уродство и боль живого. Деревья же кричат от боли. Нас учили, что этого не может быть, и мы в это верим, но чувствуем совершенно другое.

— А светящиеся искусственные деревья рядом с живыми — это что вообще?

— Это новоготие украшения городской среды. После праздников их надо убирать вместе с новогодними ёлками на площадях. Как мы прячем на антресоли ёлочные игрушки. В любое другое время года это китч и

говорит о бескультуре города. Но те, кто устанавливал эти деревья, искреннее думают, что это красиво круглый год. Они же с архитекторами, дизайнерами, художниками не считают нужным советоваться.

— Решение транспортных проблем также идёт в ущерб озеленению. Ведь строительство дорог чаще всего происходит за счёт рекреационной зоны. Пример — улица Ленина после расширения.

— Я считаю, что это временное явление, и мы вернёмся к деревьям вдоль улиц, к расширению тротуаров. У нас нет другого пути. Если мы будем думать исключительно об автомобиле-листе, зайдём в тупик. Да уже пришли. Выход один: развивать общественный, велосипедный транспорт и обратиться, наконец, лицом к пешеходу.

Например, по какому пути по-

• В 1930-1980 годах Брайант-парк, расположенный на Шестой авеню в Нью-Йорке, пользовался сомнительной репутацией как место торговли наркотиками, американцы предпочитали обходить его стороной. В 1981 году Уильям Холли УИАТ запустил проект реконструкции парка с целью сохранения атмосферы зелёного оазиса среди небоскрёбов, но функциональной переориентации, чтобы ньюйоркцы стали воспринимать его как полноценное городское зелёное пространство. Усиленная охрана, таблички с правилами поведения в зоне отдыха, обслуживающий персонал, хорошее освещение, кинофестивали и концерты под открытым небом, показы мод — и Брайант-парк (на фото) стал излюбленным местом культуры и отдыха на Манхэттене.

• Великобритания славится своими садами, и один из самых удивительных — сад Бэт Шатто, расположенный на востоке острова, в Эссексе. Супруги Бэт и Эндрю ШАТТО начали возделывать сад в далёком 1960-м году. Как вспоминает сама Шатто, «земля была абсолютно непригодна для садоводства. У меня перед глазами простирался заболоченный луг, каменистые склоны, тень, которую отбрасывали 300-летние дубы, кое-где встречалась иссушенная земля. Даже сорняки не выдерживали засухи и погибали... Но я решила превратить эти земли в настоящий оазис». Сегодня в этом саду и питомнике более 3000 растений, а путешественники, садоводы и архитекторы приезжают взглянуть на чудеса садоводства круглый год. Ольга Смирнова: «Выражу моё постоянное удивление Англией: там, где кончается влияние человека на природу, видно, что она сама намного беднее и невыразительней. В очередной раз огорчаешься, что у нас всё с точностью до наоборот».

шла Америка? Когда в городах стало невыносимо, американцы ринулись в пригороды, и сегодня там огромные площади заняты маленькими коттеджами. Но это привело к своим минусам: необходимости постоянно передвигаться на автомобиле. В Европе же стали создавать условия для общественного транспорта, для велосипедного движения. И люди обнаружили, что далеко не всегда выгодно ехать на автомобиле. Но в России сегодня пока просто страшно ездить на велосипеде.

— Какой опыт озеленения, применяемый в Европе, для нас особенно важен?

— Их опыт заключается в высаживании большого количества деревьев. Это первое и самое важное, что нам сейчас нужно. Второе — необходимо укладывать брусчатку вместо асфальта, потому что она «дышит», и растениям рядом с ней легче. Третье — не пилить деревья, не уничтожать их таким варварским способом. И, конечно, повысить уровень ландшафтного искусства. Но это можно сделать только тогда, когда будут решены три первых момента. Нашему городу нужно сначала «одеться» в зелень. Хотя

там, где есть настоящие холода — в Норвегии, Швеции, на Аляске — люди просто живут просто. Не высаживают новые растения, а берегут имеющийся лес. Я была удивлена: в Финляндии почти нет парков. Потому что повсюду сохранён лес, он пронизывает города, и от этого там очень хорошо. У нас же в таких «голых» районах, как Взлётка и Северный, я вижу один путь — озеленение крыш.

— Это решает и экологические задачи, не просто дань моде и художественный приём?

— Крыша или стена — та же плоскость листа, которая принимает пыль, даёт кислород, утепляет; в конце концов, — радует глаз. Всякое растение лечит человека. Сады на крышах — это утепление кровли, защита от солнечной радиации, шума. У нас такому озеленению будут

манжетка, даже лопухи, они ведь тоже очень декоративны. Главное — как сделать. Я в центре Лондона видела специально выращенный посреди газона чертополох.

А тюльпаны уже нам органичны. Они, как Новый год: мимо-лётны, быстро отцветают, но создают настоящий праздник в городе. Пока в наш сибирский менталитет вообще нелегко привнести любовь к диким растениям. Наши люди их стесняются. Им, как детям, нравятся большие, яркие, пышные цветы. И это отчасти понятно: долгая графичная зима порождает цветовой голод, и коротким летом людям хочется ярких красок, пышности, необычности.

— В мире есть такая практика — создавать питомники растений. Lorberg в Германии, Arbor в Бельгии, Van den Berk в Голландии... Как у нас ситуация с этим?

— К сожалению, в Сибири почти не осталось питомников, в 90-е их попросту загубили: они заросли, деревья переплелись корнями. Их уже нельзя использовать для посадок. Сделать питомник — целая наука. И растить деревья долго и трудно. Туя, например, в первые три года вырастает всего лишь в тридцатисантиметровую веточку, ёлочка за первые семь лет поднимается не выше метра. Должны пройти годы и годы, чтобы у растения окрепла корневая система. Да и площади нужны. А их нет. Так что пока легче привозить растения из Польши. У нас в «Садах Семирамиды» есть мечта — создать свой питомник, парк. Много лет работаем в этом направлении. И сколько ещё на это уйдёт времени, даже не знаем.

— Один из острых сегодня вопросов — вырубка окружающих лесов под строительство. Например, большая общественная волна поднялась в связи с развитием кампуса СФУ, где требовалось очистить площадку под здание Общественного центра (сейчас его будут возводить в другом месте, и целесообразность такого переноса — спорная). Скажите, вырубка деревьев под новые здания — это вынужденная мера для города, окружённого лесами, или большая беда?

— Вопрос очень неоднозначный. Университет должен тяготеть к такому месту, как Академгородок, где есть научная база, откуда учёным можно быстро добираться до студенческих аудиторий и преподавать. Были ведь варианты отодвинуть новые постройки в район посёлка Элита, и даже бывший губернатор лоббировал эти идеи. Но тогда студенты были бы оторваны от общей культуры города. Как в Москве: для тех студентов, которые учатся, например, в Долгопрудном, Москва как культурная столица практически не существует.

Если предположить, что наш Академгородок как комплекс научно-исследовательских институтов будет развиваться, то СФУ расположен в правильном месте. А развиваться СФУ некуда, кроме как в лес. Ну, или на дачи. Но это ещё болезненное.

А вот для академии зимних видов спорта другое место даже не рассматривали. Просто сразу начали рубить, и всё. И вот это уже — неправильно.

— Какую современную философию озеленения, отношения к культуре ландшафта нужно вложить в голову современным студентам, чтобы наши города развивались в европейском контексте?

— Знаете, мы должны двигаться не по европейской, а по своей логике. Один мой знакомый, живущий в Голландии, сказал: сюда русский человек не вписывается, душа не помещается! Конечно, мы должны взять лучшее из европейской богатой практики. Но у нас другой масштаб и природы, и людей. Вот это и хотелось бы объяснить студентам. А среди них попадаются очень умные, талантливые. Бывает, не только возьмут всё, что ты им дашь, но ещё и думают твою мысль, оттолкнутся от неё и предложат что-нибудь абсолютно своё. На них и надежды.

Анна ГРУЗДЕВА

Зачем декор, если нет

Один из лучших российских специалистов по архитектуре, градостроительству и дизайну городской среды на сентябрьскую конференцию в СФУ приехать не смог. Свои вопросы доктору архитектуры, профессору кафедры градостроительства Санкт-Петербургского архитектурно-строительного университета Валерию Анатольевичу НЕФЁДОВУ мы отправили по e-mail. Ответы превзошли ожидания. Профессор, читавший лекции в вузах США, Китая, Франции, Германии и Италии, автор нескольких книг посвятил нам несколько дней, нарисовав (и проиллюстрировав фотографиями из собственного архива) такую картину современного города, от которой захватывает дух. Настолько отличается она от наших представлений и от наших городов.

Типовые города

Валерий Анатольевич, мы предварительно заглянули на ваш сайт www.urban-landscape.ru, посмотрели все материалы, впечатлились теми новыми решениями, которые предлагает Европа. Но первый вопрос хотелось бы задать как раз о Казани, застройку которой вы анализируете. В частности, там неэффективно используются самые выгодные территории — в центре, на берегу реки... В Красноярске схожая ситуация. Долгие годы берега Енисея были заняты предприятиями. Сейчас многие из этих предприятий закрыты, появляется возможность выхода города к реке. Но нет никакой уверенности, что если эти территории и отдадут под жилую элитную застройку (как планируется) — это изменит городскую среду.

Тема редевелопмента (или просто нового освоения с изменением функций) бывших промышленных территорий уже несколько десятков лет относится к числу самых актуальных в развитии многих городов. Для Европы уже стали воплощённой реальностью подобные примеры в Копенгагене, Берлине, Хельсинки, Стокгольме.

Преобладание в этом списке именно северных, скандинавских примеров помогает избавиться от многих отечественных «страшилок» про климатические «невозможности». Но первое, что удивляет, так это степень сохранения на этих территориях старых промышленных построек, превращённых не только в новые культурные и спортивные центры, но и массово — в жилые дома с использованием новых технологий.

Только никто и нигде не называет подобную застройку элитной! Здания заселяются и очень состоятельными людьми, и менее обеспеченными для предотвращения феномена сегрегации или обособления богатых от бедных. Явлений, подобных новому питерскому комплексу «Дом у моря» на берегу Гребного канала, надёжно обнесённому высоким металлическим забором, нет в цивилизованных странах.

Увы, питерская практика уже далеко зашла в наступлении на береговые территории консолидированными заборами, к примеру, на Суздальских озёрах, лишив многих горожан доступа к воде. Поэтому упоминание об элитной застройке на бывших береговых промышленных территориях, включая Красноярск, никак не означает, что население города от этого может получить положительный эффект.

Синдром «заборности», крепко привязавшийся в России к понятию элитности, не оставляет много шансов на гуманный ландшафт.

Один из самых актуальных красноярских проектов — начало строительства четвёртого моста через Енисей. Подступы к мосту уже расчищаются, и территории бывшей деревянной застройки начинают заполнять дома панельной архитектуры. То, что могло бы сформировать новое лицо города, никак не будет отличаться от типичных безликих районов.

Строительство у новых мостов имеет реальный шанс выйти из ряда типовых, так как возникает возможность показать городские панорамы в самом лучшем виде и создать некие визуальные «коды» пространства.

Понятия типовой архитектуры нет в развитых странах. Даже при кажущейся схожести пря-

моугольных объёмов для групп зданий, как правило, не используются ни одинаковые цвета, ни фактуры поверхности, ни силуэтные или пластические решения фасадов.

Поскольку жилых домов в городах строится намного больше, чем общественных зданий, именно с жилыми домами связаны самые смелые концептуальные разработки молодых архитекторов в Европе. Но никогда этот поиск не идёт по пути «навороченной» архитектуры с декором: башенки, фронтончики, полированный камень или дорогой кованый металл на балконах. Путь к разнообразию заключён в нахождении оригинальных комбинаций, в решении первого и последних этажей жилых зданий, варьировании пластики и колористики фасада.

↑ Дом в Копенгагене Mountain House. В нём 80 двухэтажных каскадных квартир, а под ними гараж на 600 машин. Чтобы ни одной машины во дворе! Во дворах — только бабушки и дети.

→ Студгородок провинциального университета в Ханчжоу. Обучается 40 тыс. студентов, имеется столовая сразу на 20 тысяч одновременного питания, десятки спортивных полей — до горизонта, велосостоянки, обустроенные набережные, уютные дворы перед общежитиями.

↘ Район Анже в Хельсинки. Как и в других районах дворы здесь — это пространство для жизни. Без машин и помоек. А климат здесь вообще не при чём. Чем севернее, тем просто больше хвойников и навесов от дождя. Но с велосипедами на все сезоны, так как дорожки просто расчищаются.

Уход от типовой застройки не должен идти по пути удорожания каждого строения, а должен достигаться развитием реально конкурентного, конкурсного проектирования. С обязательным включением в проект и вопросов энергосбережения, экологичности, интегрированности с природой. Поспешность, с которой реализуются у нас весьма грандиозные кварталы, всё больше отрывается от того, что в международной практике принято называть архитектурой жилой среды, у которой другие ценности. Просто ответы на многие вопросы надо искать не в решении фасадов, хотя они тоже важны, а в качестве и уровне обустройства пространства для всех живущих.

Вы упомянули о том, что видеть в климате серьёзную причину для отказа от обустройства территорий — не убедительно. Тем не менее, когда эта территория 4 месяца в году завалена снегом, а ещё 5 месяцев находится в состоянии весенне-осенней распутицы, то это кажется неразрешимой задачей.

Вопрос этот реально достоин обсуждения. Накопившаяся инерция мышления и укоренившаяся неготовность думать о городской среде в зимнее время как об абсолютно пригодном для инноваций пространстве жизни человека стали устойчивым психологическим барьером

для пересмотра отношения специалистов к зимнему городу.

Посмотрите, как живут северные города, например, в Скандинавии именно в разгар зимы, когда они тоже завалены снегом. При использовании иных растительных форм город остаётся зелёным даже под снегом. Жизнь в зимнее время не замирает, а переходит в другие формы.

Из примеров, достойных упоминания, можно привести решение с искусственной горой в районе Hammarby Sjostad в Стокгольме, в которую были превращены экологически проверенные твёрдые отходы и строительный мусор, накрытые грунтом с травой. Обустройство подъёмников превратило эту гору из проблемы в популярное место для катания на лыжах зимой вблизи жилых домов.

А если бы наши специалисты посмотрели, как в современных ландшафтах скандинавских стран решается проблема сбора и отвода дождевых и талых вод, то понятия «распутица» и «лужи» постепенно ушли бы из нашего лексикона. Придавая поверхности земли заметный уклон, можно избавиться от луж вообще, собирая талую и дождевую воду в специальных открытых каналах, которые, конечно, мелеют, когда такой воды нет, но они соответственно красиво оформлены.

Поднимая над землёй востребованные во дворах площадки для отдыха и дорожки из дощатого настила (правда, из хорошо обработанной древесины, включая вакуумную сушку, а потому очень долговечной), можно обеспечить круглогодичный проход по всему двору, забыв о «распутице».

Так что для борьбы со многими нашими стереотипами по поводу климатических проблем сильно помогает пара визитов в скандинавские страны в самый снежный или дождливый периоды.

Не секрет, что наши города эклектичны, но в своих публикациях вы говорите о том, что с помощью дизайна возможно создание современного образа города. А как — если уже есть то, что есть?

Нельзя создать достаточно выразительный образ города, «девальвируя» исходную природную ситуацию. В наших городах именно эта проблема приводит к безликости. И, напротив, там, где природа изначально рассматривается как полноценный компонент нового ландшафта, есть шанс создать гармоничный и гуманный образ города.

Наши города эклектичны, потому что они «зависли» на истории без попыток внести современные объекты, не только архитектурные, но и средовые, в свой контекст.

Подделка и «камуфляж» под старые строения, увы, сильно тормозят дело. Проще согласовать и построить здание «а ля классика», чем сказать новое слово.

И с «зелёной инфраструктурой» есть проблемы, а ведь именно интегрируясь с нею, можно создать новый образ города без подделки под старину.

В пассивном заполнении городских «пробелов» очередными заурядными строениями нет никакого смысла, кроме чьей-то коммерческой выгоды. Мы рискуем остаться навсегда в прошлых веках с новыми постройками. Образ предполагает наличие оригинальных идей. Скажем, всё, что дела-

ет климат и даже характер человека, что именно жилая среда — область творческого взаимодействия специалистов и т.д. — ком в горле образуется. А «улицу с приоритетом интересов человека» даже трудно себе представить — что это предполагает?

Если процессу беспощадного вытеснения человека транспортом с городских улиц и площадей не поставить грамотный профессиональный «заслон», то человек неизбежно становится более агрессивным, так как любой его выход на улицу становится частью борьбы за безопасное передвижение.

Первое, что бросается в глаза на улицах европейских городов, — «разгулу» как попало оставленных машин смогли противопоставить мудрую альтернативу, включив посаженные деревья в качестве надёжных разграничителей пространства и для парковки, и для движения на велосипеде. Вообще про организацию велосипедного движения по городским улицам пока очень сложно говорить в России, кроме, пожалуй, города Дубны, где с этим давно всё в порядке. Просто два синдрома — «неслыханной суровости нашего климата» и «велосипеда как символа бедности владельца» крепко укоренились в массовом сознании. Поэтому всякий раз, увидев количество велосипедов на европейских улицах даже зимой, наши соотечественники долго удивляются.

Понятие «выделенных» полос для движения общественного транспорта там закрепилось и не обсуждается. Просто для многих городов именно обозначение выделенных полос на улицах стало ещё и темой для ландшафтной реконструкции улиц с посадкой дополнительных рядов растительности.

Улица не менее актуальна как пространство для общения, а для этого её отдельные участки должны быть оборудованы сиденьями. Но чтобы сидеть на улице, у человека должна быть средовая мотивация или элементарно удобное окружение в гармонии с природой.

И четыре уровня света на городских улицах нам ещё предстоит осваивать. Тогда и светильники в поверхности земли, и средний ярус как обозначение границ безопасного движения, и верхний ярус подсветки пешеходных направлений, и мачтовая подсветка проезжей части изменят облик наших улиц до цивилизованного уровня.

За всем этим и стоит приоритет интересов человека.

Очень бы хотелось перестать воспринимать улицу как некое переполненное транспортом бетонно-каменное ущелье.

Вы приводите в пример исключительно зарубежные города. А у российских городов есть чему поучиться?

Отечественная современная архитектура и дизайн среды, мягко говоря, «не добирают» до среднего мирового уровня. Наиболее динамично ситуация могла бы меняться в тех регионах, которые вовлечены в подготовку крупных международных событий — Универсиады-2013 в Казани и Олимпиады-2014 в Сочи. Однако сравнивая, скажем, опыт Пекина и Лондона, проводивших столь же масштабные спортивные мероприятия, нетрудно заметить, что привлечение ведущих мастеров мировой архитектуры там было на порядок выше. Упоная на то, что мы и сами всё можем, страна рискует остаться на своём прежнем уровне, упустив уникальный шанс. Чтобы избежать устаревших шаблонных решений, нужна просто «внешняя точка опоры», свежие подходы и новейшие технологии.

Немалые надежды связаны и с Пермью, где был разработан новый мастер-план развития города с участием специалистов из Голландии, Финляндии, Италии и Великобритании. Там реализуется серия проектов по созданию среды для человека. Вообще в регионах России есть огромный ресурс для создания такой среды — если она

качества жизни?

станет объектом консолидированных усилий инвесторов, застройщиков, архитекторов и дизайнеров.

Россия переживает строительный бум, но вы ставите диагноз: «прогрессирует потеря качества создаваемой среды». И с этим приходится согласиться. Когда недавно в Красноярске проходила кампания по выбору мэра, «выяснилось», что возведён уже ряд микрорайонов — без достаточных объектов социальной инфраструктуры, подъездных путей, удобных остановок... Дело окончилось увольнением главного архитектора. Но ясно, что причина не в одном человеке, а в системе.

Найти очередного «крайнего» — это у нас быстро и легко. Только если и дальше полагать, что в возведённых домах человек должен только спать, а с утра пораньше выдвигаться на работу, героически преодолевая бездорожье и слабо организованный общественный транспорт, то будут просто периодически меняться «крайние», а никакого прогресса не дожидаться.

И пока отсутствует эффективная система «обременения» застройщика всей обязательной «инфраструктурой для жизни», у нас будет процветать, по существу, новая незавершёнка с отложенным размышлением над современным дизайном и полноценным обустройством для всех возрастных групп населения.

Менять надо систему принятия завершённых полноценных объектов. Лучше бы не достроить пару этажей, но для обитателей всех остальных квартир на эти деньги уж точно создать условия, когда и во двор выйти можно, не натыкаясь на машины, и ребёнка отпустить в чистое и защищённое от дождя и ветра пространство, и многое, многое другое...

Новое мышление

Вы проводите стажировки по организации городского пространства с выездом в города Европы. Понятно, что такие обучающие поездки интересны дизайнерам (статьи, насколько актуален спрос?). А были случаи, когда на обучение ехали работники ЖЭКов, управляющих компаний, мэры городов? Ведь это им в первую очередь надо менять подходы и видение.

Стажировки, которые я провожу по линии Санкт-Петербургской международной школы дизайна, стабильно анонсируются на сайте www.spb.designschool.ru Особо актуального спроса они не вызывают: выезжающие понимают, что больших шансов для применения полученных знаний в своих городах у них нет; в своих намерениях изменить среду вокруг себя они могут пойти только до «обивания порогов». Но сами научиться думать по-другому они, как правило, успевают.

Отсутствие качественных перемен в обустройстве среды объясняется тем, что уровень информированности представителей инстанций, выделяющих средства и принимающих решения о содержании работ по благоустройству, оставляет желать лучшего. Мировой опыт большинству из них просто не знаком. Поэтому им намного проще «закатать» очередной бюджет в посадки однолетних цветочных культур и установку традиционных монументальных кованых оград или тяжёлых скамей с урнами, чем задуматься о новых технологиях. При этом средства вкладываются колоссальные, но на обучение и, как результат, на пересмотр отношения к дизайну среды у руководителей-благоустроителей времени стабильно не хватает.

Отчасти у наших служб есть понимание особой организации

дворового пространства, но о решениях для разных возрастов или совершенно новом игровом пространстве речи не идёт. В лучшем случае — клумбы, лазалки, песочницы. Но... разве этого мало?

Все городские пространства, в которых живёт, работает, учится, отдыхает или передвигается городское население, требуют дизайна среды, адекватного процессам, происходящим в этих пространствах. Если этого не делать, происходит эстетическое и вкусовое «обнищание» людей, теряющих мотивацию покидать свою квартиру. Поэтому, конечно, одних клумб и песочниц мало! В этом экстриме минимализма мы с нарастающей скоростью рискуем потерять общий уровень развития следующего поколения, и уже пожинаем плоды недоделанности городов в виде прогрессирующей агрессии со стороны дееспособного населения, для которого не обустроена среда.

↑ Фонтан в Париже. При необходимости воду всегда можно отключить — и образуется свободное пространство, так нужное в плотно застроенных городах.

↗ Потсдамер Платц в Берлине — яркая характеристика образа современного города. Семь зданий здесь окружают крытый форум, наполненный естественным светом и зеленью.

→ Берлин. Технологии сбора дождевой воды вокруг общественных зданий уже привели к формированию экосистем, где водная растительность выступает в качестве фильтра для очистки этой воды, используемой затем в бытовых целях.

→ Музей на набережной Бранли в Париже открылся в июне 2006 года. Архитектор Жан Нувель. Музей также является образовательно-просветительским и научным центром и чем-то вроде клуба, где проводятся общественные мероприятия.

Даже в дизайне детских игровых устройств постоянно отражаются технологические новинки и дизайнерские «фишки», регулярно меняющие облик европейских дворов. Там давно не найти детских игрушек из наскоро согнутых металлических труб.

Вместе с обустроенными местами для стоянок автомобилей, навесами над остановками общественного транспорта, светильниками, оборудованными дорожками для движения на велосипеде все эти формы становятся показателями степени гуманности городской среды. И постоянно откладывая решение этих вопросов под предлогом ограниченности бюджета, города опускают такое главное понятие, как «качество жизни», всё ниже и ниже. А живущий в этих условиях человек от этого не становится добрее и здоровее.

Удаление автомобилей из дворов — повсеместная европейская практика, однако само население России к этому не готово. Год назад мы говорили об этом с тогдашним мэром, и его ответ: наши люди не так богаты, они не хотят даже слегка приплачивать за содержание подземной парковки в своих домах... И всё же те, кто может позволить себе содержать машину, — наверное, не самая бедная часть населения. Может, следует принимать решения «в приказном порядке», как вы считаете?

Валить всё на нашу неготовность можно веками, так и смирился с тем, что уже в жилой застройке, кажется, живут машины, а не люди.

Превращение двора в бестранспортное пространство имеет в мировой практике десятки раз-

нообразных решений. Понятно, что этот переход не должен в разы повышать стоимость жилья. Просто гараж не обязательно закапывать глубоко в землю, можно даже поднять на полный «этаж» дворовое пространство, и уже над ним, на уровне, фактически, второго этажа могут располагаться места для отдыха и детские игровые площадки. При этом с уличной стороны первого этажа появляется возможность разместить любой набор встроенных помещений — игровые комнаты для детей в зимнее время, студии дизайна, салоны бытового обслуживания и др.

Сам двор в этом случае превращается в комфортный сад, где высаживается много цветущих культур. Важно, что, кроме явно комфортного качества двора, безопасность для детей, молодых мам и пожилых людей гарантируется наверняка.

К этому же качеству жилого пространства приводят и десятки разных решений по разме-

щению машин только со стороны прилегающих подъездов или улиц, т.е. в некоем «буферном» пространстве. Это пространство — с размещенными для каждой машины местами и оборудованием для подзарядки аккумулятора и запуска двигателя в любые морозы — максимально устраивает жильцов.

Всё это стало нормой цивилизованных стран, нашедших адекватные методы борьбы с начавшейся было экспансией автомобиля у многоэтажных домов. Приоритеты всегда стоят на стороне человека, у которого нет машины. То есть, чтобы это свершилось в России, надо преодолеть отношение к застройке тысяч специалистов.

Часто причиной неустойчивости городов называют нехватку средств. Вы же утверждаете, что за те же деньги можно организовать пространство на другом уровне. Это действительно так, или всё же другой уровень требует больших расходов?

Вопрос, конечно, и в деньгах, но, главное, в мозгах. На смену затратной и морально устаревшей архитектуре у нас должна прийти архитектура, основанная на новых технологиях. Понятно, что сами технологии стоят дополнительных денег. И немного терпения, интеллекта и настойчивости. Но это сложно только сначала, когда технологии осваиваются строителями.

Когда я говорю, что за те же деньги можно построить современно, то имею в виду именно то, что «срубить» бы с наших массовых построек причудливые башенки и фронтоны, баясинки и колонночки, да на эти деньги поставить солнечные батареи, сделать зелёные крыши из седумов лет так на 50 без ремонта, обустроить крыши домов элементарными сборниками дождевой воды... То, что уже стало нормой для маленького по размерам, но огромного по своей роли в развитии альтернативной архитектуры эко-района Viikki в Хельсинки. Там даже в условиях северного климата юго-обращённые стены превращены в солнечные батареи, во дворах жилых домов — огороды, а вертикальная планировка позволяет поливать их грамотно собираемой дождевой водой.

Можно посмотреть на всё это в другом аспекте — а сколько денег будет сэкономлено за счёт сокращения потребления традиционной энергии? За счёт

того, что здоровее станут жители? Но при этом на их домах бесполезно искать наши «дежурные» декорации с эклектичным навороченным дизайном. Вот и получается дешево, если научиться считать «длинные» деньги (от сокращения эксплуатационных расходов, снижения потребления энергии и воды, украшательства), а также включать в расчёт социальный эффект от перехода к здоровой нации.

Здесь единственный момент, где с вами хочется не согласиться. Пусть они «декоративные», эти шпильки, карнизы, аттики, консоли, — но ведь красиво... Смотришь на тот же сталинский стиль и думаешь: ну минимум «излишеств» — а вид уже благородный. Вы называете это нагромождением затратного абсурда. Но сплошь застеклённые фасады — они ведь какие-то тёплые, нечеловеческие, да и современные уже...

Преобладание внешней «приукрашенности» над функциональным и технологическим обновлением становится участью стран, которые, отставая в технологиях, «тримируют» свою архитектуру, морально устаревшую по содержанию. «Адская» смесь стилей преподносится как современные, да ещё и элитные строения.

В то же время сделать стильно современное здание можно за

счёт цвета, силуэта, пластики и просто оригинальной композиции окон или балконов, далёких от навешивания на фасад безвкусных декораций.

Технология меняет восприятие пространства, даёт ощущение постоянного движения, синхронного с развитием природы. У мастеров современной архитектуры, например, Жана Нувеля или Захи Хадид, никогда не бывает повторений, у каждого построенного ими здания есть свой концепт, оригинальная идея и гарантированная идентичность.

Хотя многие здания выполнены из стекла, бетона и металла, их пространственная интерпретация, сюжет или сценарий их раскрытия, своего рода «интрига» для каждого — разные. Они отнюдь не похожи на отечественные «клоны» башенно-фронтонного конвейера.

А одних только технологичной обработки поверхности стекла и его дизайнерской интерпретации есть уже десятки! Несовременными выглядят лишь те фасады из стекла, где авторы не знали, что и как можно из него построить.

Технические возможности 21 века

Что понимается под концепцией энергоэффективного ландшафта?

Отношение к ландшафту как пространству, которое чем-то можно заполнить, нередко приводит к тому, что территория, действительно, заполняется постепенно строениями, всё, что между ними, — дорогами и стоянками, реже зелёными «оазисами». Концепция энергоэффективного ландшафта стала зримым подтверждением того, что заполнять пространство можно и с умом, без ущерба для природы и следующих поколений.

Один из наглядных примеров — Германия, где после первой «волны» заполнения межселенных территорий ветряными генераторами, «накрывшими» всю страну, пришла вторая волна — развитие фотовольтаики.

Без преувеличения, этот процесс носит «взрывной» характер. Сотни километров полей из фотоэлектрических батарей протянулись вдоль скоростных трасс страны, т.е. именно там, где неизбежно оседают тяжёлые металлы из выхлопных газов и где не самый лучший вариант использовать землю в сельскохозяйственных целях. И появляются бескрайние «поля» из фотоэлектрических батарей, а в дополнение к ним стремительно накрываются крыши домов и хозяйственных построек в сельской местности такими же батареями. Это реально впечатляет.

В Красноярске за последние 10 лет появилось очень много фонтанов, — это следует считать попаданием в тренд или декоративным абсурдом?

Фонтаны и вообще работа с водными устройствами в северном городе — повод подумать о том, как в ограниченный тёплый период максимально использовать декоративные возможности воды, но при этом в продолжительный холодный период не испортить каменно-металлическими изваяниями городскую среду.

Как решение части из этих вопросов в мире всерьёз продвигается технология бесчашных фонтанов, т.е. без нагромождения больших ёмкостей из камня или бетона для сбора падающей воды. Такие устройства элементарно отключаются на холодный период года, оставляя на поверхности лишь решётку, по которой всегда можно ходить.

Мелководные водоёмы (до 10 см воды) с покрытием дна из керамической плитки тоже весьма популярны ввиду того, что при первой же необходимости воду сливают, а поверхность дна фонтана остаётся красивой.

Если новые фонтаны в Красноярске решили хоть одну из перечисленных проблем с сохранением позитивной эстетики в течение всего года, то подобную практику вполне можно отнести к прогрессу.

Полный текст — в электронной версии газеты

Феномен Корбюзье и архитекторы будущего

Фантастически красивые «сады на крыше», «прозрачные» фасады, свободные пространства этажей — все эти когда-то новаторские приёмы выдающегося французского архитектора Ле КОРБЮЗЬЕ стали привычными чертами современного строительства.

Среди сегодняшних студентов СФУ — будущих архитекторов, к счастью, тоже встречаются те, кто не лишен смелости, упорства, оригинальности в воплощении своих замыслов.

— Бывало у нас такое, что ребята проектировали объекты, казалось бы, невозможные к реализации в обозримом будущем, — рассказывает кандидат архитектуры, профессор, заведующий кафедрой архитектурного проектирования Института архитектуры и дизайна СФУ Александр Васильевич СЛАБУХА. — Например, мне запомнился проект интерьера космического корабля. Или «дом на воде». Но чтобы такое у нас осуществить, нужно всю оставшуюся жизнь посвятить продвижению идеи.

— Хорошо уже то, что в головах будущих архитекторов рождаются нестандартные решения. Образовательная среда тому благоприятствует?

— Сибирский федеральный университет даёт возможность нашим студентам выезжать, как правило, после каждого года обучения, на практику в ведущие проектные организации страны — чаще всего в Москву или Санкт-Петербург (правда, суточные составляют 50 рублей для студентов и 100 — для преподавателей). Зарубежные стажировки, к сожалению, не прописаны в учебных планах. Можно, конечно, путешествовать по городам и весям благодаря Интернету, не выезжая за пределы Красноярска, поддерживать знания и находиться на плаву, но это не навыки и не полное погружение в профессию...

Как выход — студентам читать лекции визит-профессора, в частности, приезжал к нам главный архитектор Барселоны Хосе АСЕБИЛЬО МАРИН. Есть и другая форма, которая получает всё большее распространение в современном образовательном российском пространстве. Я имею в виду наших коллег, переехавших на постоянное место жительства за рубеж. Так, кандидат искусствоведения доцент нашей кафедры Вера Борисовна РАКОВА вот уже несколько лет живёт в Бельгии, но ежегодно приезжает к нам для чтения нашим студентам разработанных ею специальных курсов по современному зарубежному искусству. Лучшего специалиста из самого центра европейской культуры мы не найдём, да и не ищем — рейтинг лекций доцента В.Б. Раковой среди студентов «побивает» все рекорды.

В свою очередь, наши преподаватели выезжали лекциями в Америку, Англию, страны Европы. На протяжении многих лет у нас существует взаимобмен с Чешским техническим университетом. Как правило, ежегодно к нам два-три чешских студента приезжают на обучение, и мы своих в Прагу отправляем. В настоящее время на нашей кафедре приступает к двухгодичным исследованиям аспирантка Kinga Nędza-Sikonowska. Она приехала в СФУ из Кракова (Польша) как победительница конкурса ERANET MUNDUS — нового международного проекта в сфере высшего образования. Она удостоена гранта Еврокомиссии на изучение темы «Проблемы формирования человека в пространстве советской архитектуры на примере сибирских городов». Это и наша победа, поскольку нами была разработана серьёзная программа предложений для научных региональных исследований Сибири, поддержанных Еврокомиссией.

— Обмен — дело хорошее, но ведь охвачены им единицы...

— В том-то и дело. Как раз для того, чтобы архитектор мог нести знания, культуру в массы, он сначала сам должен обогатиться. Это правоплановый в обществе! И желательного много путешествовать уже в студенческие годы, но далеко не каждый из ребят может себе это позволить.

Вот и получается: на первых курсах, когда мы даём короткое задание (клаузуру), скажем, нарисовать скамью, студент рисует скамейку, которую видел в соседнем дворе.

Вообще архитектурное образование затратно как никакое другое, ведь для работы нам необходимо очень много расходных материалов, не говоря уже о красках, кистях, бумаге, мольбертах... Поэтому архитектурное образование сейчас особенно нуждается в хорошем государственном финансировании.

— Практикующие архитекторы говорят о кризисе в профессии из-за несовершенства нынешней системы архитектурного образования...

— Я думаю, что на высшем уровне всё-таки есть понимание проблем, поскольку в новых образовательных стандартах заложено много положительного. Допустим, в расчёте на студентов-архитекторов количество педагогов теперь идёт в пропорции 1 к 4, а раньше было 1 к 12. Однако есть, я считаю, и минусы: тенденция к сокращению количества часов для за-

реднем этапе направлять своё творчество в определённое русло. Например, поступив после бакалавриата в магистратуру на специальность «архитектура», он сможет уйти либо в градостроительство, либо в реставрацию, интерьер, дизайн и т.д. Кроме того, считается, что бакалавры должны получить больше технической подготовки, хотя гуманитарная, художественная составляющая, безусловно, остаётся.

Система двухуровневого образования направлена на то, чтобы наши выпускники имели возможность входить в международное пространство профессий, чтобы с российскими дипломами они могли работать в Европе, Америке и других регионах. Но есть тут противоречия: в разных странах собственные требования к безопасности, к нормативам, к условиям содержания (например, разная железнодорожная колея в России и на Западе) и т.п. Чтобы получить право работать и проектировать за рубежом, надо знать не только техническую сторону, но и законы, порядок оформления документов, нормы и требования, особенности конкретной страны.

— Отличаются ли архитекторы, которых вузы выпустили лет 15-20 назад, от тех, кто сегодня получает дипломы?

— Безусловно. В наши дни задачи архитектора гораздо шире, поскольку многообразно общество, в том числе и социально. И архитектуру... сложно. Задачи разного масштаба. Поэтому мы

приятно, когда 80-летний профессор приносит студенту на занятия стопку современных модных журналов по архитектуре, ссылки из Интернета на информацию суперсовременных технологий, материалов и форм, используемых в современных постройках прогрессивных отечественных и западных архитекторов.

А вообще-то опытный профессор и начинающий студент — пусть и в разных «весовых» категориях, однозначно — соавторы. Работают в реальном времени. Они — современные, потому что творят современную архитектуру, такую разную. Ценность профессии архитектора — в многоликости.

— Какие темы сейчас реально интересуют студентов?

— Типология проектов очень широка. Было время, когда, например, у наших дизайнеров преобладали интерьеры ночных клубов, развлекательных учреждений... Мы ориентируем ребят на социально значимые направления. Особая тема для нас — архитектурные и градостроительные проекты для Севера. У нашего института — давняя профессиональная дружба с главным архитектором города Норильска; наши студенты выезжают на производственную и преддипломную практику в организации Норильска, другие поселения Приенисейского Севера — Игарку, Туруханск, посёлки Суринда и Ессей. Каждый год выпускники предлагают проекты с реализацией новых задач — дома-комплексы для

нятий студентов и педагогов в аудиториях.

Кризис в профессии в ближайшее время может быть отчасти обусловлен естественной сменой поколений. Например, Красноярск — один из немногих городов, пожалуй, единственный за Уралом, который имеет такое большое количество академиков архитектуры: Владимир Константинович ШАДРИН, Арзг Саркисович ДЕМИРХАНОВ, Виталий Владимирович ОРЕХОВ. Благодаря таким ярким личностям у нас есть потенциал для формирования полноценной региональной архитектурной школы, но эти люди уже в преклонном возрасте. Кто придёт на смену?

Хотя в краевом центре есть и известные мастерские, и архитекторы, которые много путешествуют, много видят и знают, стараются держать руку на пульсе общемировой архитектуры: Артур ПИЛИПЕНКО, Алексей МЯКОТА, Борис ШАТАЛОВ, братья Александр и Сергей ДОБРОЛЮБОВЫ и др. Уверен, что выход из кризиса в архитектурном образовании, да и в архитектурной практике — во взаимодействии вузовской школы и профессионального сообщества архитекторов.

— Российская система архитектурного образования перешла на уровневую систему подготовки — бакалавриат и магистратуру. Как это отразится на подготовке специалистов?

— Прежде архитекторов у нас готовили 6 лет. Теперь бакалавр обучается 5, а магистр в общей сложности 7 лет. Бакалавриат даёт возможность архитектору работать в качестве не только техника, но и проектировщика, который отвечает за свои решения. Это полноценное пятилетнее образование можно сравнить с тем, что было до реформы. Ступенчатая система имеет свои положительные черты, поскольку специалист ориентируется в последующем в профессии и сможет на оче-

ставим цель — выпускать архитектора-многооточника, который способен предлагать разнообразные решения.

В этом нам помогают практикующие архитекторы. Последний кризис в экономике, кстати, помог нам привлечь ценных специалистов-производственников к преподаванию, хотя раньше мы ничем не могли их заманить в институт (зарплата оставляет желать лучшего...). Тем не менее, многие асы, начав обучать ребят мастерству проектирования, почувствовали интерес, вошли во вкус. Заслуженный архитектор РФ Нина Васильевна ПЕТРОВА, автор большого количества крупных комплексов и объектов в Красноярске (небоскрёб «КАТЭК-НИИуголь», здание библиотеки СФУ, корпус Института нефти и газа), призналась мне, что, работая с молодёжью, она приводит в систему свои знания, получает энергетическую творческую подпитку. И таких преподавателей-практиков в институте порядка 70%! В своё время из проектных организаций к нам пришли и преподают профессор Валерий Иванович КРУШЛИНСКИЙ (из «Красноярскгражданпроекта»), доцентки Анна Савельевна КОВРИГИНА, Валерий Васильевич ГРЕБЕШКОВ (с многолетним опытом работы главным архитектором города Железногорска), Борис Евгеньевич БЛИННИКОВ, Владимир Валерьевич МЕДИЕВСКИЙ (автор большого количества построенных в крае церквей) и многие другие.

Современных выпускников готовят специалисты, сами получившие образование годы и даже десятилетия назад. Но устаревшими их не назовешь. Суть профессии архитектора — увлечь заказчика проектными идеями застройки будущего пространства для его жизни и деятельности. И возраст для архитектора — это плюс: богатство профессионального опыта, способность не следовать реалиям, а опережать их. Удивляет

северян, многофункциональные комплексы в экстремальных климатических условиях, другие интересные проекты.

Некоторые преподаватели считают, что список актуальных тем должны определять они сами, поскольку просчитывают актуальность, востребованность и возможность через ту или иную тему студенту-выпускнику проявить свои знания и навыки в качестве выпускной квалификационной работы. Но на самом деле подбор тем осуществляется по-разному: и преподаватели предлагают, и студенты, а бывает и так, что приходит условный заказчик со стороны и хочет, чтобы его интересы были реализованы, пусть даже хотя бы в студенческом проекте. Таким образом, в выборе тем мы сохраняем «полицентричность».

А вообще практически все темы дипломных проектов — остро социальные. Сами студенты к концу обучения становятся людьми с устойчивейшей гражданской позицией. Ведь в природе профессии архитектора заложена общественная востребованность, польза.

— Какие российские архитектурные школы считаются сегодня наиболее сильными и на чём они держатся?

— На профессионалах-педагогах и на поддержке власти. Бесспорно, продвинуты архитектурные школы Екатеринбурга, Самары, в том числе, с позиций последних требований к современной архитектуре. Но даже в новой архитектуре этих городов есть ошибки, и нельзя сказать, что там полностью удовлетворяют позитивные требования к архитектуре. Конечно, вне конкуренции Москва, Санкт-

Петербург — это объясняется и историческими предпосылками, опытом, окружающей профессиональной средой... Если говорить о Красноярске, то он в последнее время более активно развивается благодаря активизации строительной отрасли по сравнению с большинством сибирских городов.

— Какие качества необходимы сегодня выпускнику-архитектору, чтобы встать на ноги?

— Связи — в меньшей степени, в профессии роль играют желание, талант, но ещё в большей — упорство. Есть таланты, которым, как певцам или артистам, нужны продюсеры (это, кстати, и к некоторым преподавателям относится). Ноу-хау нашей кафедры в том, что мы разработали портфолио для выпускника, чтобы облегчить его вхождение в профессиональное сообщество, в том числе и в мировое пространство. Фиксируется всё значимое, что наработано студентом за время обучения, и он уже выходит из стен вуза не с пустыми руками, а с альбомом, где отражены его лучшие творческие проекты, рисунки. С наработанным багажом легче устроиться в профессии. И ребят мы убеждаем: архитектор должен уметь представить себя. В обязательном порядке все наши выпускники показывают такой альбом комиссии на защите дипломного проекта.

— Существуют ли при Институте архитектуры и дизайна СФУ малые архитектурные предприятия или мастерские, реально работающие под заказ? И нужно ли это в стенах вуза?

— Был результативный опыт, но в последнее десятилетие эта форма у нас «пробуксовывает». Вероятно, для неё у нас пока «не созрела» объективная ситуация.

— Существуют научные школы математиков, физиков, химиков и т.д. А что можете сказать об архитекторах?

— Научные школы, как правило, определяют новые направления. У нас, если следовать принятым официальным данным, научной архитектурной школы нет. Однако фактически есть направления, которые активно развиваются. С другой стороны, существует стереотип, что в архитектуре вообще не существует науки. Например, в архитектуре нет званий кандидата или доктора архитектурных наук, а просто: кандидат архитектуры либо доктор архитектуры. Но в случае, если вокруг какого-то видного специалиста формируются круг единомышленников, серьёзно и глубоко изучающих конкретную проблему, то, я думаю, справедливо было бы считать, что научная школа имеет место быть. У нас есть такие благодатные научные темы, как «История архитектуры Сибири», «Исследование опыта охраны историко-архитектурного наследия и реставрации», «Региональные особенности сибирского градостроения», «Специфика сибирского дома». В этом направлении наши признанные исследователи работают не одно десятилетие, защищают диссертации, издают монографии. Хочется уточнить, что все научные и педагогические архитектурные силы города Красноярска нам удалось объединить вокруг и даже внутри нашего института.

Кстати, в профессиональном сообществе практикующих архитекторов уважение к научному знанию нарастает. Есть примеры когда в архитектурную науку приходят специалисты с многолетним практическим опытом, даже действующие главные архитекторы крупных городов: становятся соискателями учёной степени, чтобы изложить собственный взгляд на решение проблем в современной архитектурной теории и градостроительной практике. Хочется верить, что у нашей архитектурной школы результаты — заметные. В следующем 2013 году будем подводить некоторые итоги 40-летней образовательной деятельности — подготовка специалистов с высшим архитектурным образованием в Красноярске начата в 1973 году. Пора давать отчёт.

Наталья КУЗНЕЦОВА

Прогулки с архитектором

Каждый день, следуя привычными маршрутами по городским улицам, мы почти не обращаем внимания на то, что нас окружает. Но всё меняется, если взглянуть на свой город со стороны. Какой он, Красноярск, — красивый? хаотичный? удобный для жизни? Мы решили сравнить впечатление рядового горожанина с точкой зрения специалиста — Сергея Михайловича ГЕРАЩЕНКО, кандидата наук, профессора, почётного архитектора России и директора Института архитектуры и дизайна СФУ, совершив по Красноярску автомобильную экскурсию.

Перекрёсток пр. Мира — ул. Горького

— Я считаю, что это один из лучших перекрёстков в центре Красноярска. И, наверное, единственный, где так гармонично сочетаются построенные примерно в одно время дома. Их особенность — скошенные углы, и это место очень напоминает исторический центр Барселоны. Мы видим, что на одном из них начата работа по устройству мансардного этажа. Кстати, завершение всех зданий этого перекрёстка мансардами было предложено в одном из дипломных проектов нашими студентами.

Удачным мне кажется и сквер у Архиерейского дома, где установлен памятник архиепископу ЛУКЕ, хирургу В.Ф. ВОЙНО-ЯСЕНЕЦКОМУ работы Бориса МУСАТА, одно из лучших его произведений. На мой взгляд, это тот случай, когда памятник находится на своём месте, и небольшой ансамбль сквера выглядит одновременно и масштабно, и сдержанно.

Здание Ростелекома по ул. Маркса, 80

— Архитектурное безобразие, которого просто не должно быть в центре города. Тем более что оно совершенно задавило расположенный рядом памятник — Дом офицеров, а также мешает восприятию великолепного театрального квартала на пр. Мира.

Бизнес-центр «Европа» и перекресток ул. Маркса — Вейнбаума

— Это здание построено мэтром красноярской архитектуры Арзгом ДЕМИРХАНОВЫМ. В принципе, мне этот «титаник», как его называют красноярцы, нравится. «Европа» хорошо вписана в ансамбль мэрии и формирует всю площадь: это хорошо заметно на открытках с удачными ракурсами.

Вопросы здесь вызывает расположенный напротив торговый центр «Евразия». Считаю, что место под эту функцию выбрано неудачно, припарковаться у магазина практически невозможно. И, конечно, тут хотелось бы видеть совсем другой пешеходный мост через ул. Вейнбаума — современный, красивый. Пока же мы миримся с серым наследием прошлого века.

Недострой на Сурикова напротив «Питерского дворика»

— Монстр (*фото 1*). Я не понимаю, как архитекторы, которые отвечали за этот проект, могли позволить возвести дом такой высоты рядом с Покровским собором. При этом про архитектуру самого здания пока сказать трудно: возможно, после облицовки оно будет смотреться хорошо.

Торгово-офисный комплекс «Айсберг», ул. Маркса, 73а (фото 6)

— Стыдно сказать: это работа нашего выпускника. Быть может, если бы этот дом не находился именно здесь, не был бы прилеплен к старинному зданию музыкальной школы, не нависал над тротуаром, впечатление было бы иным.

Пристройка может выглядеть совершенно иначе. Например, на пр. Мира, между магазином «Детский мир» и старым корпусом педуниверситета есть исто-

рическое здание, пристройку к которому выполнял тоже выпускник нашего факультета. И он сделал это настолько тактично, что даже невозможно определить, где старая, а где новая часть дома и что в какое время было построено.

Арбитражный суд на Стрелке

— Это здание не вызывает у меня отрицательных эмоций. Оно современное, хорошо смотрится с разных ракурсов, расположено к месту — вполне «связалось» с находящимся по

росшийся сквер закрыл вид на него. Зато теперь купол виден издали (он будет ещё и подсвечиваться) — и впечатление от этого места в городе стало совсем иным. Считаю, что заслуга в этом не только архитектора, но и ректора университета, который, меняя интерьеры учебных корпусов и их внешний облик, советуется со специалистами. Кстати, во дворе медуниверситета расположена ещё и красивая церковь.

Бизнес-центр «Сириус»

— Думаю, что масштаб здания выбран очень правильно и хорошо вписывается в панораму реки, острова и Октябрьского моста (*фото 4*). Как раз такая высотка здесь имеет право на существование. На беглый взгляд, рядом имеются и парковки, и подъезд — надеюсь, все планировочные решения были правильными. Автор проекта также является нашим выпускником — можно сказать, пол-Красноярска уже застроено нашими бывшими студентами.

соседству Большим концертным залом. Можно придираться к мелкому масштабу облицовочной плитки, отдельным деталям, но необходимо отметить, что архитектор проявил чувство меры, не превысив высоту БКЗ.

Торговый центр «Огни»

— На мой взгляд, это наглядный пример того, как городу навязали неуместный объект (*фото 2*). Здесь, прежде всего, градостроительная ошибка. Красноярские архитекторы, студенты нашего института в своих курсовых и дипломных проектах предлагали создать в этом месте гармонирующий с ландшафтом «Город мастеров» — площадку, на которой можно было бы собрать старинные деревянные дома (которых с каждым годом в городе становится меньше и меньше), отреставрированные и перевезённые из центра. Здесь поселились бы художники с мастерскими, лавочки ремесленников... Получилась бы своеобразная этнографическая деревня. Именно здесь уместно было бы разместить, «макет» Красноярского острога. К сожалению, власть пошла на поводу у москвичей, построивших тут торговый центр.

Здание на Белинского, 5

— Дом построен с намёком на стиль хай-тек, он интересный, но неудачно выбрано место: здание фактически нависает над дорогой. Нет нормального транспортного решения, к зданию ни подъехать, ни подойти нельзя. Кроме того, мне кажется неподходящим его назначение. Внутри расположен магазин, а хорошо было бы разместить там культурный центр с галереями, ресторанчиками, откуда открывался бы красивый вид на остров Татышев и Стрелку.

Медицинский университет (фото 3)

— Мне нравится новый облик этого здания, родившийся с появлением купола. Считаю, что теперь медуниверситет будет одной из достопримечательностей Красноярска. Само по себе здание было неплохим образцом сталинской архитектуры 50-х, но со временем раз-

Жилой комплекс «Фрегат» «НЕО»

— Красивый, современный, необычный жилой комплекс. Кстати, на последнем архитектурном фестивале «Зодчество Восточной Сибири» в Иркутске этот жилой комплекс, спроектированный Сергеем БАЛЬЦЕРОМ и его мастерской, был отмечен серебряным дипломом как лучшая постройка в номинации «Жилые здания».

Особенно хорош «Фрегат» на фоне жилой 97 серии, от которой давно хочется избавиться. Правда, не так давно предпри-

Жилой дом по ул. Ленина, 5а

— Очень смущает высота этого здания. Да и другие новые дома, расположенные в этом и соседнем кварталах, просто задавили Благовещенский собор. На мой взгляд, нельзя так похамски относиться к городу, его наследию и идти на поводу за казачика в его погоне за квадратными метрами.

«Банк Москвы» на ул. Ленина

— Это здание — тоже проект С. Бальцера, сделано, на мой взгляд, грамотно. К дороге на улицу выходят только 3-4-этажные объёмы, хорошо артикулированные, выполнена масса функций и задач, например, по расселению людей. Архитектор проявил бережное отношение и к исторической застройке: здесь даже осталось несколько деревянных домов...

Но, к сожалению, не решён самый больной вопрос — парковки для банка и других офисов в

этом здании. Проезжая по улице Ленина, можно заметить, что она стала шире на две полосы движения. Это было сделано с благой целью — частично ликвидировать пробки. Но город и, главное, горожане потеряли деревья на этой улице, а проблема так и не решена...

Жилой дом на ул. Ады Лебедевой, 66

— Явно ошибочное решение, градостроительно плохо посаженный объект. В этом месте строить такой жилой дом нельзя было категорически. Одним фасадом он стоит на тротуаре, «внутренний» двор, если это пространство можно назвать двором, с детской площадкой и трансформаторной будкой, выходит на оживлённую транспортную магистраль. Но ширина двора всего метров 15, фактически он расположен на проезжей части. К этому дому невозможно ни подойти, ни подъехать, детям просто негде играть. О каком-то озеленении говорить вообще не приходится. Как такое могло появиться вообще?

Клиника «Бионика»

— Считаю, что это интересный замысел: зрительно завершить улицу Ленина наклонной стеной и нависающей крышей (фото 5). У дома, спроектированного в мастерской Алексея МЯКОТЫ, интересная архитектура и, надеюсь,

нутренняя планировка, хотя высоты, на мой взгляд, можно было даже добавить. Одно «но»: парковаться опять абсолютно негде, а ведь назначение здания предусматривает большое количество посетителей. Следовало заранее подумать, как выйти из этой ситуации.

внутренняя планировка, хотя высоты, на мой взгляд, можно было даже добавить. Одно «но»: парковаться опять абсолютно негде, а ведь назначение здания предусматривает большое количество посетителей. Следовало заранее подумать, как выйти из этой ситуации.

Принципиальные реплики

>> Пошло ли Красноярску на пользу «новое время» в плане архитектуры? Это каверзный вопрос, на который можно по-разному ответить с точки зрения жителя, гостя и архитектора. Делается много хорошего, появились интересные дома и объекты. Но есть и просто безобразные примеры, они результат скорее градостроительных и планировочных ошибок, нежели архитектурных. Например, большая административно-градостроительная ошибка состоит в том, что чиновники и бизнесмены не желают выезжать из центра. Здесь городская власть, я считаю, должна принимать запретительные меры, иначе город никогда не решит транспортную проблему.

>> В центре Красноярска немало новых жилых домов, это добротная архитектура, внутри там шикарные квартиры. Но масштаб многих из них, к сожалению, давит на городское пространство. Раньше на их месте располагались деревянные дома старого Красноярска, которые снесли, посчитав не достойными к сохранению памятниками истории. Город многое потерял от этого. Такие дома были на ул. Маркса и пр. Мира в районе Стрелки, в районе Качи — пусть запущенные, неухоженные, они создавали особый колорит. Жаль, что их не попытались восстановить. А что творится сейчас на ул. Ады Лебедевой, ул. Республики? В квартале, прилегающем к Центральному рынку, буквально за год уничтожили все деревянные фасады, а ведь там стояли дома в великолепных наличниках с прорезной и объёмной резьбой. Теперь это «цветочная улица»: всюду вставлены пластиковые окна, висят баннеры аляпистых цветов, идёт торговля. И ведь новые хозяева как-то умудрились расселить всех жителей... Очень хотелось бы, чтобы власть не отказалась хотя бы от своего намерения решить проблему с расселением и сохранить деревянный квартал на ул. Горького напротив парка.

>> Мне очень жаль старую Николаевку. На глазах уходит целый кусок архитектурной и градостроительной истории. Ведь это первый жилой район промышленного Красноярска. Когда в начале XIX века было построено депо, в городе насчитывалось всего 3 тысячи жителей, и 2,5 из них были работниками железнодорожных мастерских. Сегодня город напoлзает на Николаевку со всех сторон, скоро район просто исчезнет. Обидно, что и возводят там всё ту же 97-ю серию. Не так давно у нас в гостях был американский коллега, который буквально умолял: сохраните Николаевку, не давайте там ничего строить, это достояние вашего города!!!

«Грустно, что у нас есть такие недострои, как планетарий (очень интересный и нужный городу объект), заброшенный административный комплекс «нового центра»... Всё упирается в деньги. В этом как раз состоит беда молодых талантливых архитекторов, которые, попадая в профессию, начинают работу с познания денежных истин. Заказчик диктует им свою волю, и они соглашаются, потому что надо зарабатывать, кормить семью. Но при этом исчезают и принципы, и знания — всё, чему их учили в университете».

>> Я понимаю, что городу не хватит ресурсов, чтобы реализовать все замыслы архитекторов. Но вы хотя бы посмотрите на проекты наших студентов, связанные с реконструкцией исторического центра Красноярска. Если воплотить в жизнь лишь сотую долю этих проектов, город стал бы другим. Но представители власти не находят времени даже познакомиться с предложениями молодых специалистов. Сейчас городская администрация вроде бы взялась за архитектуру, обещает навести порядок. Но, конечно, это не сделаешь за один день.

>> У нас город с безграничными архитектурными возможностями. Строй что хочешь... Я часто езжу по стране и уверен, что Красноярск — один из самых красивых городов России.

Татьяна АЛЕШИНА

Молодость, опыт и незасорённые мозги

В начале сентября Красноярск официально вступил в борьбу за право проведения Всемирной зимней Универсиады-2019. Но первый шаг в этом направлении был сделан нашим городом ещё в 1965 году, когда по проекту молодого архитектора Виталия ОРЕХОВА, выпускника Ленинградского инженерно-строительного института, началось возведение Центрального стадиона на острове Отдыха. История этого строительства не только необычна, но и поучительна, как выяснилось из разговора теперь уже с академиком Российской академии архитектуры и строительных наук, народным архитектором России Виталием Владимировичем Ореховым.

— Приехал я в Красноярск в 1960 году только ради стадиона, — признаётся Виталий Владимирович. — Узнал о нём от агитаторов, зазывавших нас, дипломников, к себе в проектный институт. Я был настолько наивен, что сразу поверил. Приехал, а проектирование прикрыли. Стадионы тогда попали под статью «излишества».

И вдруг в марте 1965 года вызывает меня наш директор Александр Иванович ГРИШИН и радостно сообщает о разрешении Совмина и ЦК КПСС на строительство стадиона. Но тут же с сожалением добавляет, что «Красноярскгражданпроекту» предлагается повторно применить проект московского стадиона «Локомотив». Разумеется, не сегодняшнего, роскошного, а прежнего, совершенно ужасного. Конечно, было обидно, а потому сразу решили как-то это указание обойти.

Первым делом организовали товарищеский конкурс. Надо сказать, что к тому времени у меня уже сложилось понимание, что стадион по форме не должен быть просто чашей. Дело в том, что теорию проектирования стадионов я тогда уже хорошо знал. Ещё в ЛИСИ нашёл в библиотеке интереснейшую книжку, где американский архитектор Кевин ХЭДДОН рассказывал о придуманной им форме стадиона, которую сейчас всё время приписывают мне, а я всякий раз отбрыкиваюсь. Нет, не мы её придумали — мы просто последовательно шли за теми, кто был до нас.

— И что это была за теория? — Хэддон, когда изучал процесс заполнения трибун стадионов в Америке, обнаружил, что люди, если у них есть выбор, всегда в первую очередь заполняют западную трибуну, а вторую — восточную. И садятся «сердечком». Все это мы изучили самым тщательным образом и построили схему трибун согласно теории этого архитекто-

ра. И увидели ту самую волну, о которой он говорил. Увидели и то, что эта волна удивительно гармонично вписывается в наш ландшафт.

Через три недели победили в конкурсе, представив эскизный проект. Директор повёз его в крайком партии с некоторой тревогой, но там он всем очень понравился. Один из секретарей ему, правда, сказал: «Александр Иванович, если всё будет хорошо — то хорошо. Если же будет что-нибудь не так, и нам попадёт, знайте, что вас мы тоже не забудем». Но нашего директора было не испугать. Надо сказать, это был потрясающий, удивительный человек. Всех нас, тогда совсем молодых архитекторов, именно он и воспитал. Лично я буквально всем ему обязан. Он воевал, был покалечен на фронте и казался нам стариком. Хотя, на самом деле, был старше нас, молодых, лет на десять. О разговоре в крайкоме рассказывал смеясь. Мы тоже хохотали: «Да делаем, чего там!». Молодость...

— И сделали. Но неужели первоначально задуманное удалось полностью осуществить?

— Не совсем. Стадион был задуман как монолитный. Но слово «монолит» в те годы было равносильно противодействию советской власти. Капиталистическая, видите ли, технология. Идеологически правильным признавалось только строительство из сборного железобетона. Так что пришлось делать стадион сборным. Хотя по виду он напоминал монолит. Конечно, если поближе посмотреть, то стыки видны. Особенно сейчас.

Надо сказать, что с самого начала нами был предусмотрен козырёк, призванный уберечь от протекания влаги, а значит и от неизбежных в нашем климате температурных расширений, рвущих конструкции. У нас был пример московских «Лужников». Там так происходило: начинают они ремонт стадиона, срывают гидроизоляцию со складок, выполняют работу, а когда заканчивают последние складки, надо начинать ремонт заново. Но козырёк нам делать запретили, посчитав излишеством: «Скажите спасибо, что вообще разрешили стадион строить». И вот произошло то, что должно было произойти — течёт! Конечно, можно меня ругать, но мы в этом совершенно не виноваты.

— Виталий Владимирович, а как долго шло проектирование и согласование?

— Да уже через три месяца после начала проектирования началось и строительство. Просто фантастика. До сих пор удивляюсь, как мы сумели всё это сделать. Правда, был организован хороший коллектив. Главным инженером проекта и руководителем группы стал ЯРОСЛАВСКИЙ Александр Станиславович — умнейший человек, да к тому же прошедший мощную жизненную школу. Фронтвик. Математик у нас тоже был исключительно — преподаватель Политехнического института Александр Алексеевич ЖУРИН. Он определил координаты всех точек объекта по эскизу и рабочим чертежам, которые строители буквально со стола забирали на стройку. И нигде не ошибся — всё было сделано просто блестяще. А главным конструктором был СИМОНОВ Василий Степанович. Тоже фронтвик. Пять раз в танке горел — израненный весь, обожжённый. Удивительные были люди. А мы рядом с ними петушки такие...

— И, тем не менее, команда состоялась.

— Команда единомышленников. Строителей и партийное руководство тоже можно к ним причислить — полное у нас с ними было единодушие. И всё выстраивалось на доверии. Поэтому и работа была в удовольствие, хотя работать приходилось день и ночь.

Когда организовали штаб строительства, его руководителем стал Леонид Георгиевич СИЗОВ, который сначала был одним из секретарей крайкома, а потом первым секретарем горкома. Замечательный, потрясающий человек. Исключительно твёрдый и целеустремленный. Порученное ему дело он выполнял с упорством танка, идущего в атаку. При этом очень был умен и дипломатичен — удивительно хорошо умел ладить с людьми.

Строительство поручили Мостоотряду № 7, который тогда возглавлял Анатолий Иванович БАХТИН. К тому времени это предприятие уже построило Коммунальный мост и очень хорошо себя зарекомендовало. Строители в отряде были очень квалифицированные и ответственные. Точность была абсолютная. Да и что им стадион после моста? Там они стотонными и двухсоттонными конструкциями ворочали. А здесь всего-то тридцать тонн. За всё строительство у них на площадке ни одного несчастного случая не было. Никто не погиб и никто не покалечился. Ну, мостовики особый народ. Они себя берегут. Да у Бахтина и не побалуешься.

Первая сдача, ещё без мачт, состоялась уже в 1967 году. Приходится признать, что это стало возможным только благодаря руководящей роли партии, с которой я никогда не дружил и, начиная со студенчества, открыто об этом говорил. Но здесь интересы совпали — был какой-

то единый порыв. И было желание сделать что-то особенное.

— Настолько особенное, что по всему миру прозвучали. И даже чуть государственную премию не получили. Но не случилось. Почему?

— Да, на премию мы представлены были. Когда это произошло, Сизов, имея в таких делах большой опыт, организовал, как бы сейчас сказали, раскрутку красноярского стадиона. Пользуясь своими связями, партийное руководство стало отовсюду приглашать артистов, писателей, журналистов. Например, Лев КАССИЛЬ с супругой приезжал. Для них здесь было организовано целое представление. Как следствие — большая статья в «Известиях». Потом другие писатели стали приезжать. О нашем стадионе заговорили все газеты и журналы. Заинтересовались и в АПН. Приехали, помню, из «SovietLife». Я болел тогда и сидел дома. Они быстро всё организовали — жену обрядили в форму (она тогда стюардессой летала), поставили ребёнка...

— Журналы АПН выходили огромными тиражами и распространялись чуть не во всех странах. Не удивительно, что наш стадион так прославился.

— Да, тут же появилась статья в Morning Star. И пошло-поехало... Помню, из Португалии мне журнал привезли с огромной статьей. И всё обо мне. И про семью, и про объект... Просто целую сенсацию организовали. Перед товарищами было даже как-то неудобно.

— Там всё по-другому. Там архитектор — главный. Что, впрочем, и следует из самого этого слова. Но надо отдать должное партийным руководителям — грамотно сработали. Так почему же с премией ничего не вышло?

— Ситуация развивалась стремительно, как в кино. И как в кино с неожиданными поворотами сюжета.

Однажды нам звонят и сообщают, что всё прошло блестяще, и премию дали. Мы для поездки в Москву уже собрались костюмы новые покупать. И вот берём газету, а нас там и нет. Оказывается, в тот день, когда мы получили государственную премию, Брежнев подписал постановление об ограничении строительства спортивных сооружений.

— Опять в связи с «излишествами»?

— Ну, конечно! И вот назавтра генеральному секретарю несут на подпись документы по государственным премиям. Он, понятно, заявляет, что не может одной рукой подписывать огра-

ничения, а другой премии за стадионы раздавать. Вот такой поворот. Тем не менее, шумиха была поднята такая, что все так до сих пор и думают, что мы эту премию получили.

Но диплом первой степени на смотре-конкурсе молодых архитекторов в Москве действительно был получен. В нашем проекте всех тогда поразил образ, на который мы сознательно работали. И всё потому, что в те годы совершенно невозможно было такое сделать. Ну, разве в нашем сумасшедшем Красноярске, где тогда каким-то чудом собрались люди с незасоренными мозгами. И вот сделала такую вещь. Но я всегда подчёркиваю, что не мы были первыми. Теорию изобрели американцы. Потом два стадиона такого типа построили шведы. А мы были третьими. Тем не менее, нам есть чем гордиться.

— Вот только, гордясь, надо бы ещё и некоторые усилия приложить. Что вы скажете о сегодняшнем состоянии стадиона, Виталий Владимирович?

— Признаться, когда по мосту проезжаю — глаза отвожу. Уровень эксплуатации все эти годы был очень низким. Да и отсутствие козырька, о котором уже говорил, всё более даёт о себе знать.

— Этот козырёк исправил бы ситуацию, или только смягчил бы её?

— Он бы её исключил. Даже в том виде, в каком был показан на нашем макете. Конечно, когда проектировался стадион, теория этих козырьков ещё не была достаточно развита. Но сегодня есть совершенно блестящие решения, и без козырьков никто стадионы уже не делает. Так что, к этому вопросу можно было бы вернуться.

И не только к козырьку. Главная беда — устарели технологии. За полвека они и должны были устареть. Мы делали помещения с теми нормами, которые тогда существовали. Да и то далеко за пределы вышли. Ведь на таком относительно небольшом стадионе нам удалось сделать значительно больше подтрибунных помещений, чем на первый взгляд было возможно. Да ещё и гостиницу. Сегодня стадион вполне можно модернизировать. Была бы на то добрая воля.

Завершая разговор, остаётся напомнить, что Центральный стадион на острове Отдыха, занимающий площадь в пять с половиной гектаров, включён в каталог крупнейших сооружений России. Его большая спортивная арена позволяет принимать в Красноярске спортивные мероприятия самого высокого уровня. Наряду с современными спортивными объектами, возведёнными в Красноярске за последние годы, стадион и сегодня входит в число наиболее значимых сооружений нашего города. Сооружений, без которых идея проведения у нас Универсиады никому бы и в голову не пришла.

Галина ДМИТРИЕВА

Сергей ЯМАЛЕТДИНОВ: «Сибирский Петербург вам понравится...»

Какие ассоциации у вас вызывает словосочетание «закрытый город»? Засекреченность, высокий риск техногенных катастроф и онкозаболеваний, контрольно-пропускной пункт? Это лишь небольшая часть определений, «накиданных» моими знакомыми, повзрослевшими в девяностые. Более зрелые люди, испытавшие прелести социалистического строя, чаще вспоминают о стиральных машинах, детской одежде и жутко дефицитных продуктах, типа колбасы и консервов, которые можно было достать «по блату» — через родственников и друзей, живших и работавших в Красноярске-26, ныне известном как город Железнодорожск. Какими нитями связать этот полумифический портрет с городом счастливого детства, я узнала после беседы с доцентом кафедры архитектурного проектирования Института архитектуры и дизайна СФУ Сергеем ЯМАЛЕТДИНОВЫМ.

— Сергей Фёдорович, ваше диссертационное исследование посвящено формированию архитектурного пространства закрытых городов атомной промышленности СССР. Откуда возник интерес к этой проблеме?

— Я родился в Железнодорожске. Вырос там, окончил техникум и, несмотря на то, что уже много лет работаю в Красноярске, продолжаю оставаться жителем этого города. А из-за чего стало интересно изучать подобные города с профессиональной точки зрения?.. Ещё в детстве я первый раз попал в Северную столицу и сразу же почувствовал... осязаемое сходство с родным городом. В планировке улиц и площадей, в облике зданий. Железнодорожский театр, построенный в стиле советского неоклассицизма (с шестиколонным коринфским портиком на главном фасаде) по проекту ленинградского архитектора Бориса МАШИНА на площади Ленина, очень напоминает петербургский Александринский театр! Никто из городских архитекторов не мог дать исчерпывающий ответ, почему вдруг где-то в сибирской тайге возник город, унаследовавший «родовые черты» лучших образцов российской архитектуры. Уже после окончания Красноярской архитектурно-строительной академии я начал собственный поиск, который привёл меня в архивы центрального института ВНИПИЭТ, проектирующего объекты военного назначения. В том числе интересовавшие меня закрытые города. Оказалось, что в СССР было создано десять подобных поселений, которые и ныне существуют на территории Российской Федерации. Два из них — хорошо известные вам города-спутники Красноярска: Железнодорожск и Железнодорожск.

— Феномен закрытых городов возник в нашей стране и не имеет аналогов в мире?

— Идея создания закрытых производственно-жилых территорий при атомных предприятиях появилась в США, где реализация атомной программы началась раньше, чем в СССР. Утверждённый администрацией Соединённых Штатов в августе 1942 г. план деятельности по разработке и производству атомной бомбы — «Манхэттенский проект» предполагал строительство секретных производственных лагерей, которые включали в себя необходимые заводы, лаборатории, испытательные полигоны и пр. Освоение атомных центров в США не предполагало специального строительства новых городов, все они располагались вблизи уже существующих поселений с наличием первичной инфраструктуры. Производственные территории находились под военной охраной и имели ограждение по периметру. В период интенсивного освоения атомных производств основной персонал и строительные рабочие (большинство из которых — военнообязанные) проживали непосредственно на закрытой территории лагеря. После того, как производство нового вида оружия было полностью налажено, необходимость в содержании закрытых территорий отпала. Под строгой охраной оставались только объекты производства.

В СССР сложилась совершенно иная картина. Естественная необходимость укрыть военные объекты от разведки противника не стала единственной причиной их закрытого существования. Закрытость в значительной мере была обусловлена... политико-правовым устройством советского государства. Атомный проект СССР, как и прочие крупные стройки страны, во многом

делался руками заключённых. Но если с физической рабочей силой проблем не возникало, то интеллектуальный уровень, профессиональная подготовка работников секретных объектов оставляли желать лучшего. Принудительный труд в так называемых «шарашках» не давал полноценного результата, поскольку творчеством невозможно заниматься из-под палки. Нужны были сильные стимулы, чтобы привлечь высококвалифицированных специалистов на сверхсекретные предприятия в условиях полной изоляции от внешнего мира. Эти стимулы были найдены, простые и действенные: всестороннее снабжение населения (продуктами, одеждой и т.д.) и высокий уровень социально-бытового и культурного обслуживания от носительно основного населения страны.

— Из кого в основном складывалось население таких городов?

— Оно формировалось искусственно: по всей стране выявлялись наиболее квалифицированные и талантливые кадры с «правильным» происхождением, политически благонадёжные. К работе на секретных предприятиях эти люди

текторы изначально включали в структуру жилых кварталов медицинские учреждения, кинотеатры, библиотеки, детские сады, школы, филиалы столичных институтов и т.д. Особое внимание уделялось рекреационным территориям: благоустроенные парки культуры и отдыха, городские пляжи, скверы. В Железнодорожске даже было создано искусственное озеро — любимое место отдыха горожан. В принципе, архитектурные решения, использовавшиеся при создании закрытых городов, полностью отвечали требованиям времени.

Скажем, школы в Железнодорожске практически такие же, как в Красноярске. Однако если производились какие-либо изменения в типовом проекте здания, то только в сторону улучшения. Например, в той же школе могли вместо одного запланированного спортивного зала построить два.

Основой каждого закрытого города было промышленное предприятие, деятельность и продукция которого засекречивались. Учитывая радиационную опасность таких предприятий, жилая территория проектировалась на строго определённом расстоянии от промышленных объектов с наличием санитарных разрывов. В городе проводились и проводятся регулярные замеры уровня радиации.

— Закрытые города ассоциируются у обывателя с опасным и вредным производством, загрязнением окружающей среды, но судя по фотографиям, доступным в Интернете, планировщики и архитекторы делали всё, чтобы преобразить, украсить городскую среду, сделать проживание горожан более комфортным.

— Действительно, закрытые города благоустроены, у них привлекательный архитектурный

Первоначальный вид проекта закрытого города. Железнодорожск был построен практически в точности по нему. Не похоже на сибирские города, верно?

привлекались путём принудительного согласия. Большую часть населения закрытых городов составляли приезжие из европейской части страны, среди них было много выпускников лучших вузов Москвы и Ленинграда (Санкт-Петербурга).

На мой взгляд, советская формула, в отличие от американской, звучит как «закрытость от себя». Личную несвободу граждан государство компенсировало высоким социальным статусом и материальным благополучием: хорошей заработной платой, повышенной заботой о здоровье горожан, развитой инфраструктурой, разнообразным культурным досугом. Жителям, знакомым с ситуацией тотального дефицита в стране, страшно было потерять имеющиеся блага. Лишение местной прописки (например, вследствие прогула) означало настоящее «изгнание из рая».

— Существовала ли универсальная модель закрытого города, в которой учтено, какие объекты должны находиться в городе, как они должны располагаться, каково расположение кварталов, высота зданий и т.д., или каждый из десяти городов проектировался совершенно индивидуально?

— Никакой универсальной модели не было. Просто существуют особенности, которые отличают закрытый город от, если так можно выразиться, открытого. Самая очевидная особенность — комплексная застройка. Поскольку закрытые города проектировались и строились в сжатые сроки, а основная задача была — создать комфортную среду обитания горожан, архи-

текторы изначально включали в структуру жилых кварталов медицинские учреждения, кинотеатры, библиотеки, детские сады, школы, филиалы столичных институтов и т.д. Особое внимание уделялось рекреационным территориям: благоустроенные парки культуры и отдыха, городские пляжи, скверы. В Железнодорожске даже было создано искусственное озеро — любимое место отдыха горожан. В принципе, архитектурные решения, использовавшиеся при создании закрытых городов, полностью отвечали требованиям времени.

Скажем, школы в Железнодорожске практически такие же, как в Красноярске. Однако если производились какие-либо изменения в типовом проекте здания, то только в сторону улучшения. Например, в той же школе могли вместо одного запланированного спортивного зала построить два. Основой каждого закрытого города было промышленное предприятие, деятельность и продукция которого засекречивались. Учитывая радиационную опасность таких предприятий, жилая территория проектировалась на строго определённом расстоянии от промышленных объектов с наличием санитарных разрывов. В городе проводились и проводятся регулярные замеры уровня радиации.

Закрытые города наиболее близко подошли к реализации концепции советского «идеального города».

Вот интересный пример... В железнорогском парке культуры и отдыха в 1954 г. было выстроено летнее кафе-ресторан по проекту архитектора Николая ЧИЛИНГАРОВА. Проект разрабатывался для Ленинграда, но после правительственной критики сталинской архитектуры за дороговизну и помпезность реализовать его в Ленинграде стало невозможно. Готовый проект полностью осуществили в закрытом городе, несмотря на объявленную в стране «борьбу с излишествами в архитектуре».

Сохранились интересные воспоминания академика А.Д. САХАРОВА, работавшего в Арзамасе-16 с 1950 г.: «Город представлял собой довольно странное порождение эпохи. Крестьяне окрестных нищих деревень видели сплошную ограду из колючей проволоки, охватившую огромную территорию. Говорят, они нашли этому явление весьма оригинальное объяснение — там устроили «пробный коммунизм».

В некотором смысле так и было. По крайней мере, я, бу-

— Вы уже сравнивали родной город с Санкт-Петербургом, что неудивительно ввиду «ленинградского» происхождения всех закрытых городов СССР. Это сходство специфически-архитектурное или проявляется в других сферах?

— Население Железнодорожска складывалось из представителей технической и научной элиты того времени. Когда-то ленинградские «корни» были заметны и в речевом поведении железнорогцев (бордюр называли «поребриком», подъезд — «парадное» и т.д.), всегда был высок интерес к театральным премьерам. И, если уж мы заговорили о театре: вспоминая, что каждый раз, возвращаясь с занятий в техникуме, я всегда старался пройти мимо железнорогского театра на площади Ленина, где часто можно было увидеть кого-нибудь из всесоюзных звёзд музыки, театра, эстрады. Я видел Иосифа КОБЗОНА, любимую советскими детьми Валентину ЛЕОНТЬЕВУ, ведущую передачи «В гостях у сказки». Неоднократно приезжали Эдита ПЬЕХА, Алла ПУГАЧЁВА, а однажды я познакомился с Яном ФРЕНКЕЛЕМ — он курил на театральном крыльце... И премьеры фильмов проходили сначала в Москве и Ленинграде, потом шли в закрытых городах и только после доходили до массового зрителя в том же Красноярске.

— С исчезновением дефицита не потеряла ли атмосфера закрытых городов своей главной привлекательности? А привязка к определённой эпохе не оставляет ли на них оттенка «уходящей природы», «умирающего города»?

— Рыночная экономика, развивающаяся с начала 90-х гг., многое изменила в судьбе Железнодорожска. Нивелировался высокий социальный уровень населения, бытовая техника и продовольственные товары стали «как у всех». Многие железнорогцы работают в Красноярске, но жить предпочитают в родном городе. И напротив: многие красноярцы ежедневно ездят на работу в Железнодорожск, который, конечно, стал более доступным, но не утратил свой статус закрытого города. В настоящее время разработан проект по созданию кластера космических и ядерных технологий в Железнодорожске. В подготовке проекта принимали участие специалисты центра «Сколково». Это логично, поскольку в городе имеется всё необходимое: интеллектуальные, территориальные, инфраструктурные ресурсы.

— Почему в Красноярск переезжаете? В силу привычки?

— Несмотря на потери советского времени, Железнодорожск и сегодня остаётся привлекательным городом. Каменные микрорайоны Красноярска меня пугают больше, нежели «радиационные страшилки» про ГХК... Посмотрите, что происходит на новостройках города... Взлётка, Покровка, Николаевка превращаются в однообразные районы, где среди многоэтажных коробок нет места зелени. Главная ценность европейских городов — благоустроенный и сомасштабный человеку жилой квартал. Сегодня многие российские архитекторы говорят о возвращении к традиционной квартальной планировке. Кварталы «старого» Железнодорожска (я живу в этой части города) выстроены в исторических традициях Ленинграда-Петербурга. Кто-то скажет: «Это вчерашний день!», а мне кажется, что за малоэтажной квартальной застройкой будущее российских городов.

Татьяна МОРДВИНОВА

Асфальтовое письмо

Рубрику ведёт доктор филологических наук Т.В. ШМЕЛЁВА, профессор Новгородского университета им. Ярослава Мудрого

Городская среда для филолога — это одно из пространств бытования написанного слова, точнее — текста. И надо сразу сказать, что среда современного города заселяется текстами все плотнее, иногда представляя собой уже сплошной текст.

Заметим, что оккупация городской среды текстами идёт, прежде всего, по **вертикали**: стены, заборы... Это её измерение можно считать хорошо освоенным. Его заполняют строгие официальные вывески типа «Школа» или «Сбербанк»; рукописные трогательные объявления типа «Пропала собака...». Самый агрессивный текстовый оккупант — реклама: она горит огнями, пестрит самыми замысловатыми буквами (кстати, как нашими, так и латинскими, а кое-где и иероглифами), включает изображения и предметы... Всё это, повторю, располагается в городской среде по вертикали.

Последние лет пятнадцать тексты городской среды стали «отрываться» от стен.

Названия магазинов, кафе и аптек стали располагаться перпендикулярно к стене и пови-

сать над прохожими. Реклама кафе стала выходить на тротуар на таких специальных сооружениях, которые называются штендерами, но кто не знает — зовёт их раскладушками... На границе тротуара и дороги поставили такие ограды с пространством для письма — стрит-борды... Воздух над дорогой занимают растяжки, количество которых, например в Москве, изменило городской пейзаж: с Тверской не видно Кремль.

Если проследить за взглядом горожанина-читателя, то окажется, что ему надо тоже постоянно отрыватьсь от стен и читать тексты, вышедшие прямо к нему и висящие над головой. Это серьёзно изменяет отношения горожанина и его среды обитания. Меняет оптику восприятия города.

Но в последние два-три года произошёл скачок в экспансии текста в городской среде: он стал оккупировать и её **горизонталь**. В городах появились тексты на асфальте.

Сначала это были самодельные надписи типа ЗАЯ, С ДНЁМ РОЖДЕНИЯ. Казалось, это сугубо мужское занятие. Но вот я прочитала на асфальте нашего двора ПАША, ТЫ МНЕ ОЧЕНЬ НУЖЕН — и готова изменить точку зрения.

За межличностной сферой асфальт захватила реклама. Очень быстро сообразили, что тексты можно не только писать рукой, но и под трафарет. И понеслось — починка ноутбуков, авиаби-

Славянск-на-Кубани, пединститут; Великий Новгород, ТЦ «Гагаринский»

леты, концерты и кафе... В Интернете можно найти фирмы, которые предлагают свои услуги: реклама чего хотите — на асфальте! Минимум затрат — и она у ваших ног в буквальном смысле слова. Пока ещё не появилось исследований асфальтной рекламы, но, что-то в ней определённо есть.

К горизонтали прибегли и в разных заведениях: на полу торговых центров — стрелки, указывающие отделы: смотри под ноги и иди куда глаза глядят. Правда, первый раз я увидела такую стрелку в московском Музее изобразительных искусств имени Пушкина: почти от гардероба стрелка на полу указывала, куда идти к картинам Караваджо. Честно говоря, слегка обомлела. Но скоро привыкла: глаза уже привычно ищут направление на полу. Напольное письмо (не сказать же половое)?

Но этим летом горизонталь городской среды перешла в сферу политическую, если к ней отнoсится всякий диалог граждан с

властью. В Екатеринбурге после долгих дискуссий о состоянии дорог люди с художественными способностями нарисовали прямо на дорогах карикатуры на руководителей города так, чтобы огромные ямы составляли часть лица — рот. А рядом — цитата из выступлений этого же лица о том, что дороги скоро будут в лучшем виде. Как сообщили в Интернете, почти все ямы были ликвидированы в течение дня. Ответ последовал действием.

А новгородцы поступили проще: посреди улицы Московской написали желтой краской: ХОТИМ ХОРОШУЮ ДОРОГУ. Самое потрясающее, что городские власти ответили, что эта улица в планах на этот год не значится. Вот такой социальный диалог.

Надо сказать, что асфальт осваивает не только словесное общение, но и стрит-арт, который тоже меняет городскую среду кардинально. Особенно модно изображать на асфальте картины 3D, и объявляя такие умельцы тоже размещают в Интернете — можно заказать, рассмотреть образцы.

Итак, в лексиконе современного интеллигента, особенно ориентированного на современность и новизну, должны появиться выражения асфальтное и напольное письмо. У последнего, как я вижу, пока только указательные задачи — служебные. Но у первого уже репертуар: оно заменяет серенады, рекламу и острую политическую сатиру.

Приглядитесь: может, завтра откроется что-то ещё. Современный город динамичен и креативен. Как говорилось в советском кино, улица полна неожиданностей.

А есть ещё движущееся городское письмо: реклама на бортах автобусов, грузовиков, самодельные надписи автовладелецев. Их нужно срочно собирать — это же голоса времени в городском интерьере.

Москва, метро «Библиотека Ленина»

ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОГО

В поисках виноватого

Вот уже два года в Красноярске не видно выпусков «Красивого берега». А журнал был отличный: великолепная полиграфия, масса иллюстраций, высокий уровень обсуждения, исторический и мировой контекст. Выходил он благодаря усилиям одного человека — Галины ДМИТРИЕВОЙ, редактора, менеджера, журналиста — всё в одном лице.

Году в 2007-м ей пришла в голову мысль, что градостроительство — самая благодатная тема. Волнует всех и всегда. Потому что, скажем, образование интересно вам, пока дети подрастают. Здравоохранение, пока вы молоды и активны, вообще до лампочки... А в градостроительстве сходятся кровные интересы всех.

Именно Галине Дмитриевой мы и отвели роль собирательного красноярца, способного выразить «общественное мнение». Какой он — наш город, от кого зависит его благополучие и что мешает ему быть лучше?

— **Ч**то мешает? Причин можно назвать сколько угодно. Как говорится, плохому танцору всегда что-нибудь мешает... Так и вижу, как после этой фразы архитекторы, все как один, оскорблённо встрепенулись. И напрасно. Здесь не только они танцоры — здесь их много. Точнее сказать — НАС много. И каждый внёс в то, что мы сейчас имеем, свою посильную лепту: кто-то безудержную алчность, кто-то циничную беспринципность, а кто-то рабскую бессловесность. И абсолютное большинство — равнодушные и бездействие. И всё же, как ни крути, а с профессионалов всегда особый спрос.

Красноярску повезло — его окружают удивительной красоты ландшафты. Ими не устают восхищаться все, кто к нам приезжает. А вот об архитектуре или молчат, или ругают. Нет, исторический центр, включая застройку последних «застойных» лет, тоже хвалят. А вот новые... И собственно, не столько архитектура не устраивает критиков (в этом плане знатоков и ценителей среди горожан можно по пальцам перечесть), а то, где и как здания размещаются.

На вопрос «кто виноват» ответ находится быстро — разумеется, архитекторы! Кто же ещё? Помню, ехала как-то со своим одноклассником по Вздётке, и он говорит: «И кто всё это пона-

строил? Демирханов, что ли?». Услышав такое неожиданное предположение, сразу внятно и ответить не смогла, промямлив что-то вроде: «Почему же только он? В Красноярске много архитекторов». «Много — и ни одного толкового?» — продолжил вопрос мой спутник. Что на это можно было возразить, стоя в дорожной пробке в середине рабочего дня на одной из недавно построенных улиц?

Архитекторы в той или иной степени были зависимы от заказчика всегда, но сегодня они оказались просто между молотом и наковальней. С одной стороны, заказчик и власть, а с другой — городское сообщество, которому нет дела до того, что с заказчиком архитектору спорить сложно, потому как именно он за всё и платит. А с властью и вовсе спорить нельзя. Здесь всё понятно.

Непонятно другое — на что архитекторам обижаться?

Всякий раз без боя «сдавая» бизнесу городское сообщество, вправе ли они ожидать от него восторженных о себе отзывов?

Что-то я не припомню случая, чтобы архитекторы в спорах общественности с бизнесом или властью приняли сторону горожан. Недавний пример — гостиница на Театральной площади. Горожане говорят «нет», а архитекторы (в абсолютном большинстве согласные с горожанами) на градостроительном совете, потупив взгляд, говорят «да». И при этом не дают никакой внятной аргументации, обосновывая свою позицию лишь бесспорным утверждением, что Красноярску нужна пятизвёздочная гостиница, которую, понятно, в поселке Шинников не поставишь.

Но и горожане, подобно известному герою сатирической

пьесы, сидят и ждут, что кто-то придёт и «сделает им красиво». При этом они не берут в расчёт, что у того, кто придёт, будут свои интересы. Архитекторы тоже ждут. Ждут, что власть (в лице мэра, губернатора, президента...) избавит их от унижительной зависимости, разрушающей неповторимое творческое «я», без которого нет художника. Зависимости, вынуждающей, к тому же, задавить в себе чувство гражданской ответственности. И первое, и второе во все времена давало людям этой профессии не только материальное благополучие, но и уважение в обществе. Сегодня и то, и другое весьма сомнительно, или же вовсе отсутствует. Одна моя знакомая, архитектор, как-то сказала, что в последнее время не рискует в незнакомой компании признаваться, кем работает, — настолько негативной и единоклубной бывает реакция.

Но как такое можно было допустить? Ведь если у горожан при отсутствии поддержки профессионалов не много шансов отстоять свои интересы, то с архитекторами дело обстоит иначе. У них для защиты есть собственная общественная организация. Так почему бы её не использовать в борьбе за права своего цеха? Для защиты достоинства профессионала и гражданина? И почему бы не стремиться к тем возвышенным,

но вполне достижимым целям, которые так хорошо прописаны во втором разделе Устава Союза архитекторов России? Вот точная цитата двух первых пунктов:

2.1. Целями Союза являются: — формирование полноценной среды жизнедеятельности граждан Российской Федерации, содействие сохранению архитектурного и историко-культурного наследия России; — защита общества от непрофессиональных действий в области архитектуры и градостроительства...

Ну и где, скажите, у нас «формирование полноценной среды»? Где «защита от непрофессиональных действий»? Однажды иду вдоль дома в новом районе, а тротуар вдруг резко обрывается. И продолжается ниже на метр, а то и более. И никакого ограждения, никаких ступенек. А если темно? Ведь когда человек идёт по тротуару вполне современного города, таких подвохов он не ожидает. Конечно, скорее всего, архитектор здесь и рядом не стоял. Но кого вспомнит переломавший ноги бедолага, никем не защищённый «от непрофессиональных действий» при формировании «среды жизнедеятельности»? И, по большому счёту, будет прав.

Вообще, так называемое благоустройство — особая песня в нашем городе. Сплошная самодеятельность! И это при наличии двух мощных творческих сообществ, похвалиться кото-

претензией на столичность. И вообще это какая-то лагерная эстетика...

К сожалению, таких примеров в Красноярске более чем достаточно. У нас, допустим, ничего не стоит полностью закрыть достойный фасад каким-нибудь транспарантом с изображением толстяка в белом колпаке и многообещающей надписью «обед в полцены». Можно поставить дорожную «похищенную Европу», окружив её непредусмотренными скульптором шашлычными и годами терпеть рядом облезлый фасад здания под вывеской «Планета Красноярск», дополненной двусмысленной и прямо-таки провокационной надписью «продаётся». С фасадом, конечно, всё понятно. Но уж «Планета Красноярск продаётся» — это, извините, перебор. Даже как-то неловко от такой откровенности...

Говорить о проблемах формирования городской среды можно бесконечно. Можно искать и находить виноватых, шаг за шагом раскрывая действие механизма, загнаввшего город в тупик трудноразрешимых проблем. Но есть ли в том смысл? Тем более беря во внимание, что механизм этот приводится в действие именно нашим бездействием.

Недавно по необходимости углубившись в изучение истории Красноярска, с изумлением обнаружила в позапрошлом веке то самое гражданское общество, о котором сегодня так много говорят. Тогда же о нём особо не распространялись, да и «гражданских ассамблей» по указу сверху не созывали. Тем не менее, почти все общественные здания, и сегодня украшающие город, построены по инициативе горожан, сплочённых без какого-либо принуждения со стороны городского головы или губернатора. И без участия бюджета — исключительно частный капитал на пару с общественной инициативой. При этом никаких конфликтов, протестов, требований отменить и запретить, как, впрочем, и неудовольствий деятельностью архитекторов в источниках информации отыскать не удалось. Отчего бы это?

СФ

Вдохновение на заданную тему

(Окончание. Начало на стр.2)

А Ирина вообще категорически не согласна с тем, что бывший мелькомбинат — это депрессивная территория.

— Это же набережная! Во всех современных городах набережная — это престижное место. Красноярск не должен расти вишрь, он должен развиваться за счёт незанятых проблемных территорий. Возьмите громадную площадку комбайнового завода от ул. Декабристов до железнодорожного моста — в перспективе это будет элитный район города. Почему бы рядом, на территории бывшего мелькомбината, не построить общественный центр? А близость Студенческого городка и одной из площадок Сибирского федерального университета обусловили профиль этого учреждения — научно-общественный центр или технопарк.

Грандиозный комплекс представляет собой и транспортно-пересадочный узел с автовокзалом — дипломный проект выпускницы 2012 года Веры АВАНОВОЙ (рис. внизу). Он появился, что называется, «на злобу дня», поскольку транспортные проблемы — одни из наиболее острых в Красноярске. К тому же автовокзал — лицо города для приезжих, и лицо это сейчас выглядит не лучшим образом: нет хороших залов ожидания, нет парковок, прилегающая территория заставлена временными павильонами и контейнерами, движение внутригородского транспорта и междугородных автобусов почти хаотично.

— Моей задачей было проектирование объекта, который бы грамотно организовал движение в таком напряжённом месте, обеспечивал удобства пассажирам, был привлекательным снаружи и внутри и вписывался в архитектуру микрорайона Вздётка, — уточнила Вера Аванова. — Мне показалось необходимым сохранить здание бывшего аэропорта, хотя оно и не является памятником архитектуры. Я считаю, что должна остаться память о том, что раньше здесь был первый аэропорт Красноярска, поэтому выстроила композицию транспортно-пересадочного узла так, чтобы вдоль улицы Аэровокзальной по-прежнему открывалась перспектива на бывший аэровокзал, ставший элементом большого автовокзала.

К сожалению, кроме здания бывшего аэровокзала постройки 1954 года, ничто в облике транспортно-пересадочного узла больше не напоминает об «авиационном прошлом» этой территории. Впрочем, в оригинальности объекту точно не откажешь, сверху он немного напоминает полинезийскую пирогу с поплавок-противовесом... Но для меня как пассажира непонятно, с какого на какой вид транспорта

можно будет пересаживаться в этом грандиозном комплексе? В метро, предусмотренное проектом, честно говоря, уже с трудом верится, а без него остаётся только переход из автобуса междугородного в автобус-троллейбус городской...

Молодёжные проекты, преобразующие пространство вокруг нас, загадочным образом включают и в нас, зрителей, рычажок креатива. Хочется тоже — если не преобразовать, то хотя бы поразмышлять об увиденном. Как учтено своеобразие места, какое найдено визуальное решение и насколько оно соответствует будущему предназначению объекта.

Реставрация церкви в селе Ново-Александровка Уярского района — задача сама по себе важная и интересная. И её результат предскажем: МЕСТО, ФУНКЦИЯ и ОБЛИК объекта здесь predetermined.

Транспортно-пересадочный узел с автовокзалом более вариативен, константами в этом проекте являются только МЕСТО и ФУНКЦИЯ. Причём привязка к конкретному месту сильно сузила функцию. Зато автор проекта смогла реализоваться в облике объекта.

Пожалуй, наиболее «свободными» и творческими в данном случае оказались проекты на площадке бывшего мелькомбината. Обязательным в них было только МЕСТО. Облик старых корпусов авторы сохраняли по своему усмотрению, а выбор функций был почти безграничным и оттого интересным и сложным одновременно.

Неожиданно я поймал себя на мысли, что здесь нет проекта, в котором главной была бы ФУНКЦИЯ, и именно она определяла бы место и облик объекта. Тут же вспомнил, что в проекте транспортно-пересадочного узла Веры Авановой не очень удачное исторически сложившееся МЕСТО существенно подавило ФУНКЦИЮ. И следующая мысль, как вспышка — а ведь для ФУНКЦИИ транспортно-пересадочного узла идеально (на мой взгляд дилетанта) подходит как раз площадка бывшего мелькомбината! Она расположена на пересечении существующих и перспективных (4-й автодорожный мост, дорога через Николаевку до ул. Копылова, дороги по берегу до Академгородка и п.Удачный) автомагистралей, рядом железная дорога, на берегу — причал, где могут швартоваться даже большие речные суда. Лучшего места для транспортно-пересадочного узла не сыскать! Может быть эта «фантазия на заданную тему» покажется кому-то из студентов-архитекторов интересной, и вскоре мы увидим её ОБЛИК? А может быть, такой проект уже есть?..

Андрей КУЗНЕЦОВ

Работы выпускников, о которых здесь идёт речь, примут участие в международном смотре-конкурсе лучших студенческих проектов по архитектуре и дизайну. Представляем вам ещё два проекта-конкурсанта, авторы которых — выпускники СФУ.

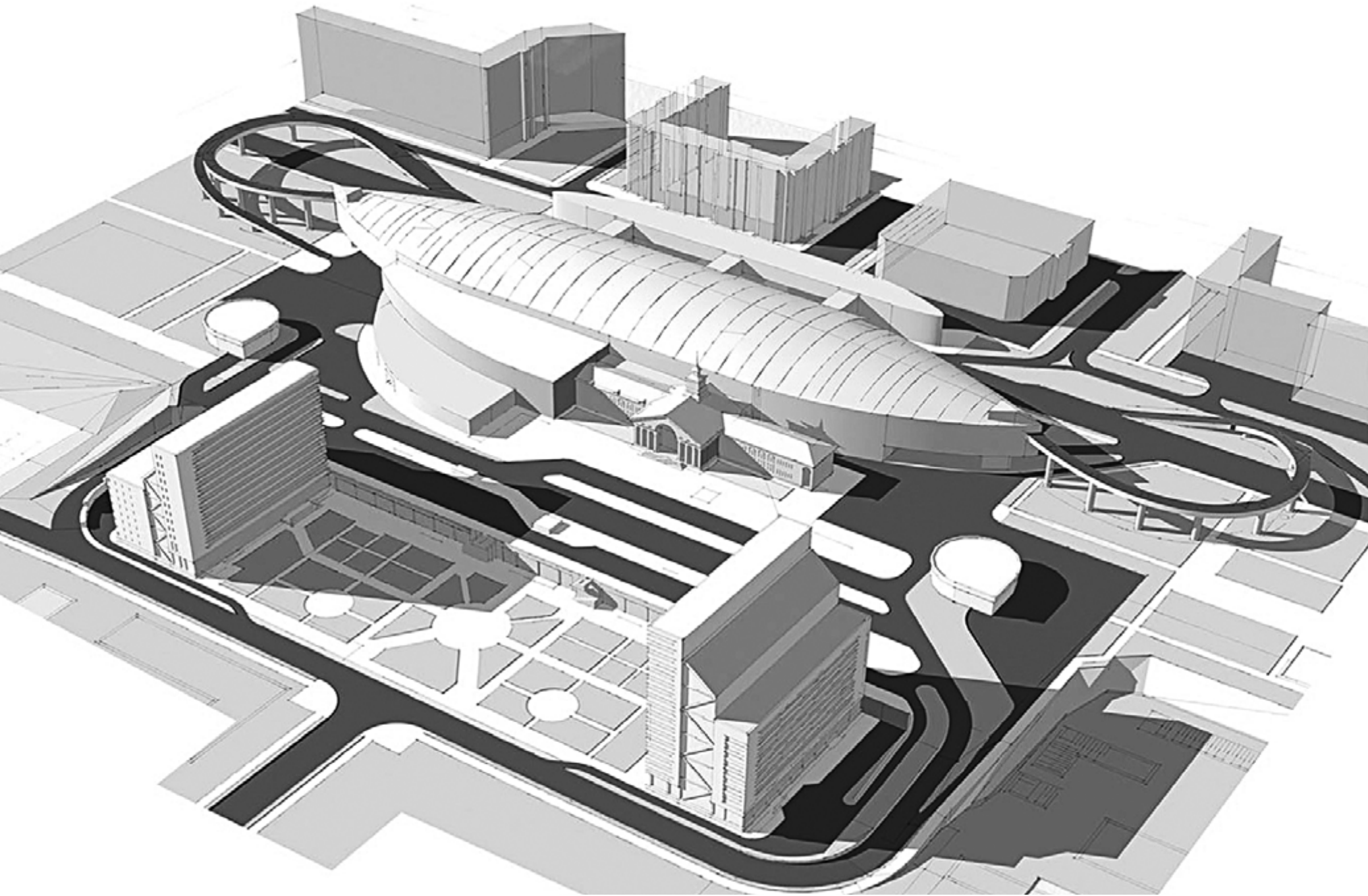
Евгения УКОЛОВА. Общественно-рекреационный центр микрорайона Сити в Красноярске (рук. А.Б. ШАТАЛОВ, Н.В. ДЯДЕЧКИН)

Проектируемый центр включает спортивное ядро, эстраду для проведения массовых мероприятий, открытые детские площадки. С приходом зимы здесь будут появляться каток, снежный городок, спуски для лыжников и др. Задача — сделать рекреационную зону максимально активной, обеспечив безопасность и возможность для общения людей. Прогулки с детьми, выходные в городском парке, катание на роликах, лыжах — и всё это в самом центре микрорайона в шаговой доступности! Таких общественных пространств в городе должно быть как можно больше.

Артём КОРОВИН. Жилой комплекс для креативного сообщества (рук. А.Б. ШАТАЛОВ, Н.В. ДЯДЕЧКИН)

Комплекс имеет многоуровневое дворовое пространство, разделённое на открытые публичные площадки и закрытые приватные дворы, доступные только жильцам. Такое деление позволяет создать условия для разных по образу жизни людей. Жильё также разнофункционально: таунхаусы — мастерские, секционные квартиры, большие мастерские галерейного типа и др. Точкой притяжения данного жилого комплекса является подземный двор, куда имеются отдельные выходы из мастерских нижних этажей. Это позволяет создавать прямо во дворе атмосферу постоянного творчества. Возможность выставлять и реализовывать свой продукт также поможет творческим людям (художникам, скульпторам, музыкантам, поэтам, актёрам) создать сообщество единомышленников для реализации всех своих идей.

Смотрите и восхищайтесь

Если посмотреть на актуальные исследования и мировые награды в области архитектуры, можно выделить несколько тенденций развития зодчества на сегодня. Это — гонка за высотой и оригинальностью в небоскрёбостроении. Экономичная по отношению к природным ресурсам эко-архитектура. Применение высоких технологий, обеспечивающих архитекторам вседозволенность (пожалуй, сегодня невозможно построить что-либо в пределах Земли только на дне Марианской впадины). Создание интерактивных домов, играющих с человеком. Уподобление зданий органическим формам и бережное отношение к архитектуре прошлого.

Здравствуй, облако!

Эффектные высотные здания всегда легко добивались расположения у своих наблюдателей. Если не погружаться слишком глубоко — в готическое время, — можно сказать, что бум высотного строительства начался с конца XIX века. Достаточно вспомнить Эйфелеву башню, ознаменовавшую триумф железа в строительстве. В конце того же самого XIX века архитектор Луис САЛЛИВЕН своими высотными зданиями в Чикаго прототипил дорожку современным небоскрёбам. С тех пор, пожалуй, высотное строительство практически не останавливалось. Многоэтажными насестами для людей сначала оброс Манхэттен, а затем и многие другие улицы городов по всему миру. Сегодня районы с небоскрёбами можно найти и в Стамбуле, и в Сеуле, и в Москве, и во многих других городах мира. Лидером высотного строительства является Гонконг, а лидером в области дизайнерского решения для многоэтажек, пожалуй, выступает Дубай. В целом, ведущие архитекторы мира единогласно отмечают, что сегодня центр по возведению небесных скребок переместился на восток — в Китай, Арабские Эмираты, даже в Индию.

Если технологии, позволяющие высоко строить, появились ещё в конце прошлого века, то спустя столетие определились новые горизонты для экспериментов с высотками. Их изгибают в сложные кривые, уподобляют антропоморфным и органическим формам и, конечно же, соревнуются в этажности и высотности зданий. Кроме того, в тренде создание многофункциональных небоскрёбов, которые одновременно являются и офисным зданием, и отелем, и средоточием роскошных апартаментов, и торговым центром. Плюс ко всему — примыкающий мост.

Примеров креативного решения современных небоскрёбов более чем достаточно, остановимся на некоторых из них, созданных «звёздами» мировой архитектуры, лауреатами Притцкеровской премии — аналога Нобелевской.

Если говорить об уподоблении зданий живым формам, то здесь стоит упомянуть практически воплощённую в архитектурной форме скульптуру испанского мастера Сантьяго КАЛАТРАВЫ — небоскрёб «Скрученный торс» (построен в 2005 году, высота — 190 метров, самый высокий небоскрёб в Скандинавии). При строительстве высотки крайне важно, как она будет соединяться с землёй и уходить в небеса. Обычно небоскрёбы — это устойчивые колонны, поддерживающие небо, а в производстве С. Калатравы — это спираль, штопор, бур, спускающийся с неба. Кроме того, форма небоскрёба навеяна скульптурой самого мастера, воспроизводящего в мощном порыве разворачивающийся атлетический торс, так что люди, живущие в роскошных апартаментах этого здания — как микробы на теле огромного гиганта, совершающего динамичный прорыв к небесам.

В продолжение экспрессивных антропоморфных движений в архитектуре можно упомянуть проект «Танцующие

башни» Захи ХАДИД — три небоскрёба, высотой приблизительно 350 метров, имитирующих танцевальные па. Пока всё это находится на стадии проекта и не совсем ясно, почему зданий именно три — не идёт ли речь о любовном треугольнике? В любом случае, как всегда это случается с башнями, — танец посвящён небесам.

Наверняка многие уже успели побывать в Испании и, в частности, в Барселоне, где смогли рассмотреть современный шедевр архитектуры — башню Торре Агбар знаменитого французского мастера Жана НУВЕЛЯ. Облик башни навеян водной стихией, что неслучайно, так как там расположено управление городским водоснабжением. Ночью здание, покрытие которого состоит из светодиодных панелей, переливается всеми цветами радуги, превращаясь из офисной в эстетиче-

не находятся на первом месте по количеству высотных зданий, но очевидно, что концентрация наиболее оригинальных и амбициозных зданий наблюдается именно там. Во-первых, эта страна на данный момент является победителем в гонке высот — в Дубае расположен самый высокий небоскрёб в мире — «Бурж Халифа» высотой 828 метров, на котором примерно после сотого этажа можно наблюдать строение облаков. Во-вторых, здесь же находится башня «Ворота столицы», которая имеет самое большое отклонение от центральной оси в мире и потому называется «падающая башня», оспаривая славу Пизанской, так как наклон её больше, чем у Пизанской, в 4 раза. А офис главной архитектурной компании Aldar, которая работает в Арабских Эмиратах, вообще располагается в круглом небоскрёбе.

На сегодняшний день известно множество способов обустроить здание в согласии с природой. Фасад можно засадить деревьями, чтобы дать жителям постоянный доступ к кислороду. На крыше расположить ветряную электростанцию или облицевать здание солнечными батареями, что обеспечит его электроэнергией (современные технологии позволяют сделать так, чтобы от солнечных батарей в здании могло спокойно работать более тысячи компьютеров). Грамотное распределение стекла рассчитано на максимальное использование возможностей светового дня, что сокращает потребление электроэнергии в офисах и домах. Установка кондиционеров крайне не в моде, — они загрязняют атмосферу и вообще лишают воздух природной чистоты, поэтому принято разрабатывать специальные вентиляционные

ГЭРИ, который впервые рассчитал с помощью компьютерных технологий систему строительства гигантской биоморфной структуры, напоминающей бутон огромного цветка. А воплотил он свой проект с помощью податливых и гибких титановых пластин, которые обычно используются для создания ракет и космической техники.

А для встречи XXI века был создан самый огромный в диаметре купол на Земле — Купол Тысячелетия в Гринвиче, созданный архитектором Ричардом РОДЖЕРСОМ. Диаметр купола — 365 метров, что соответствует количеству дней в году. Он создан из нетканого стекловолокна и покрыт тефлоном, что, кстати, также отвечает современным экологическим требованиям. Здание известно не только своими грандиозными размерами, но и вызывающей нефункциональностью: существенные финансы были потрачены на то, чтобы главы мировых стран могли встретить здесь новое тысячелетие, проще говоря, отпраздновать Новый год, видимо, вдохновляясь великими делами, которым предстоит случиться в будущем столетии. После этого торжества зданию долго не могли найти применение, а теперь стараются использовать в туристических целях.

Дом-собеседник

Можно упомянуть и несколько менее заметных, но важных тенденций. Во-первых, многие современные здания становятся «интеллектуальными» и приятными «собеседниками», идут на контакт с человеком. Понятное дело, «умным» домом, где свет выключается по мановению руки, а кофеварка практически сама приносит кофе в постель, уже никого не удивит. Возможности двухстороннего общения здания и человека всё время расширяются. Так, например, в этом преуспел голландский архитектор Ларс СПЕЙБРУК. Один из самых впечатляющих его проектов — музей звука в Роттердаме. По словам самого архитектора, однажды он не мог заснуть, потому что ему мешал назойливо гудящий над ухом комар. Из-за того, что ему пришлось следить за движениями комара, он изобрёл систему, по которой здание будет общаться с человеком. В итоге его слизнеобразный по форме музей подстраивается под биологические ритмы зрителя — под ритм шагов, биение сердца, дыхание, разговор и реагирует на это различными звуками. Такими темпами дома вскоре начнут сами выселять назойливых жителей, например, за громкую музыку после 23:00.

В связи с возрастом городов возникают всё большие проблемы в отношениях с прошлым архитектурным наследием. Действительно, где и как строить новые здания, если в мегаполисах, где сосредоточена деловая жизнь, уже всё застроено творениями, относящимися к разряду неприкосновенного культурного наследия? Выкручиваются из этих ситуаций поразному. Иногда строят посреди старых кварталов новаторские здания, попросту отбегивающие постройки прошлого. В других случаях прошлое заявляет о себе ностальгически, становясь поводом к архитектурным фантазиям.

Так, в 2012 году ту самую Притцкеровскую премию получил китайский архитектор Ван ШУ, который лишь слегка, но напоминает о прошлом своими авангардными постройками. Так, его музей современных искусств в Нинбо (Китай) подозрительно похож на средневековую крепость, при этом ни одним своим элементом напрямую ею не являясь.

Поскольку, как свидетельствует современное состояние развития архитектуры, для строительства на Земле сегодня нет ничего невозможного, а строить в принципе-то негде (хотя уже научились строить даже под водой) — вероятно, в будущем стоит ждать начала строительства в космосе. Хотя пока в этой области человечество способно лишь на создание домашних интерьеров, удобных не только в качестве офиса и спальни, но и для парения в невесомости.

Александра СЕМЁНОВА

↑ Штаб-квартира Aldar, Абу-Даби; башня «Осколок», Лондон; башня «Ворота столицы», Дубай

↑ Музей звука

↑ Bosco verticale, Милан

➤ COR-building, Майами

➔ Здание центрального телевидения Китая, Пекин

скую достопримечательность. Что важно, сооружение крайне гармонично сочетается с окружающим пространством; в данном случае по-другому и быть не могло, поскольку по высотности небоскрёб соперничает с главной гордостью Барселоны — собором Саграда Фамилия архитектора Антонио ГАУДИ. Он практически заложил основы современной биоморфной архитектуры, поэтому башня Ж. Нувеля может только выступать модернизированным оммажем творению Гауди. Кроме того, здание аккуратно вписывается и в горное окружение, обнимающее Барселону, т.е. благополучно имитирует природное творение.

В русле имитационной традиции выстроен и самый высокий небоскрёб в Европе «Осколок» (высота 310 метров, открыт в 2012 году) архитектора Ренцо ПЬЯНО, соавтора Центра Жоржа Помпиду в Париже — главного сооружения в стиле хай-тек XX века. Небоскрёб находится в Лондоне на берегу Темзы и явно имеет более агрессивный прототип, чем романтические танцы или вода: название подсказывает, что за основу взят осколок стекла, видимо, упавший с небес, этакая угрожающая большая градина, оказавшаяся на земле в роковом 2012 году. В принципе понятно, что многим лондонцам небоскрёб отнюдь не симпатичен.

Конечно, история про небоскрёбы не обойдётся без упоминания Арабских Эмиратов, которые может быть пока что и

Тенденция ввязываться в гонки за высотность привлекает отнюдь не всех. Один из самых влиятельных архитекторов начала XXI века Рем КОЛХАС, деконструктивист, наоборот, решил нарушить стереотипное представление о небоскрёбах и поступил со своими башнями-близнецами примерно как с конструктором-змейкой, соединив снизу и сверху в «квадратное кольцо» — Штаб-квартира центрального китайского телевидения в Пекине. По его словам, стеклянная и местами прозрачная облицовка здания должны служить символом доступности и понятности информации, которая льётся с китайского телевидения на людей.

Архитектура экологического сознания

Другая очевидная тенденция в мире — всё возрастающее экологическое сознание людей, которые и сами не желают жить в «газовой камере городов», и потомкам своим не желают. Всё больше людей готовы тщательно сберечь и экономить ограниченные земные ресурсы. Поэтому тренд возводить экологически чистые и экономичные здания особенно актуален. Более того, он уже успел довести до разражения многих звёздных архитекторов, так как зачастую эксперты в области современного градостроительства оценивают не столько эстетические качества и новаторство здания, сколько его экологичность.

системы с учётом климатических условий местности. Водоснабжение в таких постройках устроено крайне бережно по отношению к водным ресурсам (прогноз остаться без запасов пресной воды к 2025 году пугает всех). Так, воду принято использовать, как минимум, два раза: сначала чистую для самых важных вещей, а для менее значимых дел повторно грязную воду. В соответствии с этими принципами построен жилой дом «COR building» в Майами.

В Милане же известен пример дома, который позволяет жить в городе так, как будто в лесу — на всех балконах «Bosco verticale» высажены деревья, крупноразмерные обеспечивающие чистым воздухом своих жителей.

Сегодня можно всё

Если раньше нельзя было считать технологию создания искривлённых зданий и пространств, то сегодня с помощью компьютеров стало возможным создание кривых зданий любой сложности. А современные технологии — податливый бетон, позволяющий создавать скульптурные формы в архитектуре. Прочнейшая фольга, которой можно покрыть искривлённые поверхности любой сложности, прочнеее железо, обеспечивающее поддержку и т.п. — позволяют воплощать в реальность самые невероятные проекты.

Точкой отсчёта подобной «вседозволенности» в архитектуре считается здание Музея Гугенхайма в Бильбао Фрэнка